

Ю. В. Попов

КАМИЛЬ ДЕМУЛЕН — ЧЕЛОВЕК и ЖУРНАЛИСТ

Приведено по:
Публицисты Великой французской революции
М., 1989. С. 47-86.

Веб-публикация: Eleonore и редакторы сайтов Vive Liberta и Век Просвещения ©

В день казни дантонистов, 5 апреля 1794 г., в Париже стояла великолепная погода: сияло солнце и голубое небо казалось бездонным. Кто-то из осужденных заметил с горькой иронией: «Слишком прекрасно сегодня, чтобы умирать в такой день». 15 человек со связанными руками на телеге долго везли до эшафота при гробовом молчании толпы. Проезжая дом, где жил Робеспьер, Дантон громовым голосом воскликнул: «Робеспьер! Ты скоро последуешь за нами!.. До скорого свидания!» Демулен, обращаясь к Дантону, сказал: «О, если бы был жив Марат! Мы бы тогда не были здесь!» Эти слова позднее подтвердила сестра Ж.П.Марата. Приговор приводился в исполнение уже в сумерках.

Демулен как сквозь сон видел людей, стоящих вдоль дороги, по которой проезжала повозка с заключенными. Иногда ему казалось, что он узнает каких-то людей. Так, в толпе Камиль увидел Флору Годар, отец которой когда-то отказался выдать ее замуж за Демулена, но она сохранила к нему самые добрые чувства вплоть до последнего дня. От Флоры его мысли перенеслись к Люсиль. Он вспомнил, что писал ей из тюрьмы: «Мое оправдание заключается в 8-ми томах моих сочинений. Это хорошее изголовье, на котором покоится моя совесть в ожидании суда потомства».

Но сейчас он уже не хотел знать своих сочинений, хотя все написанное не давало покоя, рвалось наружу. Демулен вспомнил мартовскую ночь с 30-го на 31-е, когда он был арестован. Шла работа над корректурой седьмого номера газеты «Старый кордельер», когда раздался стук в дверь. Он уже некоторое время жил ожиданием ареста, все же, как это всегда бывает, произошло это неожиданно. Во время ареста Камиль сохранял присутствие духа. Он поцеловал сына, обнял рыдающую Люсиль, успокаивая ее и утешая, а затем последовал за стражей, нетерпеливо ожидавшей конца прощальной сцены. Вместе с бумагами журналиста были захвачены газетные листы, еще пахнущие типографской краской.

Демулена заключили в Люксембургскую тюрьму. Одновременно с ним в эту ночь были арестованы Дантон, Лакруа, Филиппо¹ и другие. Все они обвинялись в заговоре с целью «клеветать и опорочить национальное правительство, восстановить монархию и путем подкупа подорвать основы республиканского строя». Такое обвинение фактически не оставляло никаких шансов на спасение. Это понимали все: и обвинители и обвиняемые.

Демулен особенно страдал в тюрьме из-за невозможности видеть свою семью. Мрачные предчувствия и печаль усиливались, когда он видел из окна камеры Люксембургский сад, где в течение нескольких лет Камиль встречался со своей Люсиль. В письмах к ней, успокаивая и ободряя ее, он старался успокоить и ободрить себя. Демулен писал: «Благотворный сон временно избавил меня от печалей... Когда спишь, чувствуешь себя свободным, не осознаешь неволи... Но когда я открыл окно, мысль о моем одиночестве, железная решетка, отделяющая меня от тебя, победили мою твердость. И я зарыдал, восклицая в моей могиле: Люсиль! Люсиль! Где ты?.. Говорят, невинность спокойна, мужественна. О, моя дорогая Люсиль! Я часто чувствую себя слабым... Если бы со мной так поступил Питт или Кобург, но мои товарищи!.. Сократ выпил яд, но он, по крайней мере, виделся в тюрьме с друзьями и женой... Сейчас меня допрашивали комиссары правительства. Мне был задан лишь один вопрос: «Участвовал ли я в заговоре против республики?» Я предвижу ожидающую меня судьбу. Прощай... Я уношу с собой уважение и сочувствие всех истинных республиканцев, всех людей... Утешься, несчастная вдова! Эпитафия твоего бедного Камилля славнее эпитафий Брута и Катона... О, моя Люсиль! Я родился, чтобы писать стихи, защищать несчастных и сделать тебя счастливой... Я мечтал о республике, которую бы все любили... Моя Люсиль!.. Живи для Горация, рассказывай ему обо мне... Прощай, моя жизнь, моя душа, мое божество на земле... Берег жизни удаляется от меня. Я еще вижу тебя, Люсиль!.. Мой угасающий взор покоится на тебе».

Люсиль пыталась спасти Демулена через Робеспьера. Но не смогла с ним встретиться. Тогда она написала ему письмо: «Смеешь ли ты обвинять нас в измене отечеству? Ты, который сумел воспользоваться тем, что мы для него сделали... Смеешь ли ты отвергнуть мою просьбу и мою мольбу, мои слезы и пограть справедливость?..» Впрочем, письмо это осталось неоконченным и никогда не дошло до адресата.

Несколько позднее адвокатом Демулена выступил его отец, который написал письмо Фукие-Тенвиллю². Свидетельствуя патриотизм и безупречную честность своего сына, он настаивал на тщательном расследовании поведения осужденного как гражданина. Фукие это письмо получил уже после вынесения приговора, но, получи он его и раньше, оно уже ничего не могло бы изменить в судьбе Демулена.

Последними словами Демулена на эшафоте были: «О, моя бедная жена!» Официальный орган «Монитор», как всегда, дал лаконичный отчет: «После трех дней судебного процесса Дантон, Филиппо, Демулен ... и другие были осуждены на смерть. В тот же день приговор был приведен в исполнение... на площади Революции». В Пантеоне Великой французской революции Камиль Демулен занимает особое место. Французская революция выдвинула на политическую сцену множество людей, а некоторых в буквальном смысле вытолкнула, но далеко не все они были столь живыми и рельефными, как Марат, Робеспьер, Сен-Жюст, Мирабо, Дантон, Г.Бабеф, Демулен и другие, оставившие яркий след в истории революции конца XVIII в.

Жизнь Демулена — это большой роман о Великой французской революции, о судьбах людей, ставших деятельными участниками этой великой истории, о взлетах и падениях, о благородстве и подлости, о величии и низости, о смелости и трусости тех знаменитых, известных и безымянных людей, которые делали эту революцию и претворяли в жизнь ее идеалы. Многие во французской революции для Демулена было стихийным. От этого никуда не уйти. Но это была его революция. Вслед за Гете он мог бы сказать: «Я не зритель посторонний, а участник битв земных...» Он хотел быстрее видеть результаты революции, оглядываясь на опыт античной демократии, а перед глазами шла ежедневная жизнь, в которой были голод, предательство, бегство короля, угроза вторжения врага во Францию. Невиданная борьба классов и партий, потери и приобретения. И все это во имя Республики.

К.Маркс в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» дал следующую оценку политической деятельности Демулена и других выдающихся представителей эпохи французской революции: «Камиль Демулен, Дантон, Робеспьер, Сен-Жюст, Наполеон, как герои, так и партии и народные массы старой французской революции осуществляли в римском костюме и с римскими фразами на устах задачу своего времени — освобождение от оков и установление современного буржуазного общества. Они вдребезги разбили основы феодализма и скосили произраставшие на его почве феодальные головы... В классически строгих традициях Римской республики гладиаторы буржуазного общества нашли идеалы и художественные формы, иллюзии, необходимые им для того, чтобы скрыть от самих себя буржуазно-ограниченное содержание своей борьбы, чтобы удержать свое воодушевление на высоте великой исторической трагедии...»³

Мировоззрение Демулена формировалось в 80-е гг. XVIII в., т.е. в пору зарождения буржуазной идеологии. Проблемы века Просвещения, особенно его второй половины — это проблемы поколения К.Демулена. Доктор Бартоло, герой комедии Бомарше, так говорит о причинах, по которым он бранит этот век: «Прошу простить мою дерзость, но что он дал нам такого, за что мы могли бы его восхвалять? Всякого рода глупости: вольномыслие, всемирное тяготение, электричество, веротерпимость, оспопрививание, хину, энциклопедию и мещанские драмы...»⁴

Фактически здесь перечислены социальные, политические, философские и научные проблемы, волновавшие не одно поколение той эпохи. В главном Просвещение было идейным движением молодой поднимающейся буржуазии. Это был процесс идеологической подготовки Великой французской революции. Всякая деятельность людей непременно опирается на опыт предшествующих поколений. В истории действуют живые люди с их стремлениями и страстями, победами и заблуждениями. Их жизнь и судьба неотделимы от их идея Камиль Демулен родился 2 марта 1760 г. в Пикардии. Оттуда же происходили Кальвин, Сен-Симон, Бабеф, Кондорсе. Уроженцы этого края, как правило, отличаются пылкой головой, легко воспламеняющимся воображением, страстным темпераментом. В то же время их характеризует рассудительность, здравый смысл, приправленный остроумием и лукавством. Этими качествами в полной мере обладал отец Демулена, человек серьезный, всеми уважаемый труженик и хороший семьянин. Мать Камиля имела небольшое состояние, на которое в основном и существовала семья. Дальний родственник сумел выхлопотать Камиллю место в коллеже Клермон, основанном иезуитами в 1563 г., куда Демулен и отправился с тем, чтобы больше на родину не вернуться. В этом же коллеже тремя классами выше обучался [М.Робеспьер](#).

Несмотря на некоторую разницу в возрасте, они подружились. Их объединяло и происхождение, и общий культ героев древнего мира. Под влиянием чтения древних авторов оба прониклись страстной любовью к свободе. Позднее Демулен писал: «Не для того нас воспитывали в школах Рима и Афин, в республиканской гордости, чтобы жить в унижении при монархии Клавдия и Вителлия. Безумно правительство, вообразившее, что мы можем увлекаться нашими праотцами на Капитолии, одновременно не презирая версальских угнетателей, можем восхищаться прошлым, не осуждая настоящего»⁵.

Демулен считался хорошим учеником, правда, занимался лихорадочно, поспешно и непоследовательно. Увлекался поэзией, но стихи его были слабыми. Сам он до конца жизни упорно считал себя поэтом, сказав перед смертью: «Я родился, чтобы быть поэтом». Религия в обучении не занимала большого места. Подготовка мальчиков сводилась к получению знаний для практических целей. Прививали уважение к нации и родине. Стипендию Камиль не получал.

Распорядок дня был жесткий. Подъем в половине шестого и отбой в 9 часов вечера. Кормили четыре раза в день. Демулен привык работать по вечерам при свечах. Имея общительный характер, легко сходилась с людьми. Хорошо знал классическую литературу, что видно по его журналистским работам. Он получал премии на многочисленных литературных конкурсах, в одном из которых участвовал вместе с [А.Шенье](#). Это натолкнуло его на мысль попробовать напечататься. 9 января 1783 г. в «Парижской газете» была опубликована пьеса в стихах, автором которой являлся Демулен. В сентябре 1784 г. он получил степень бакалавра, а через полгода — степень лиценциата, принеся присягу в качестве адвоката парижского парламента.

Переписывая бумаги, составляя прошения, Демулен таким образом зарабатывал себе на хлеб. В свободное время сочинял стихи, эпиграммы. Но он страстно стремился к активной деятельности, и не исключено, что так бы и прозябал в неизвестности, если бы не приближение революционных событий, всколыхнувших общественную жизнь Франции. Многие чувствовали приближение грозы. События нарастали с такой быстротой, что нужно было моментально ориентироваться в изменяющейся обстановке. Приближалось открытие Генеральных штатов. Из 578 депутатов, представлявших третье сословие, свыше двухсот были адвокаты.

Генеральные штаты начинали свою работу тогда, когда пожар охватил государство со всех сторон. Обнищавший народ, изнеженная, праздная и разложившаяся аристократия, королевский двор, разъедаемый язвами интриг, предательства, расточительства — вот картина предреволюционной Франции. Страна была наводнена печатной продукцией. Брошюры [Мирабо](#), [Бриссо](#) и других авторов повсеместно разносили идеи, которые неизбежно должны были привести к революционному взрыву. Брошюра [Сиезэ](#) «По какой причине третье сословие?» за три недели разошлась в количестве 30 тысяч экземпляров. Это повальное увлечение не могло не захватить Демулена.

В 1790 г., в первый год свободы, был опубликован небольшой сборник под названием «Сатиры, или Избранные лучшие стихи, написанные накануне Революции». Речь шла о памфлетах, которые были направлены против королевской власти. Тогда они в большинстве своем прошли незамеченными и вскоре были забыты. Но вот теперь их напечатали с фамилиями авторов. Читатели с энтузиазмом встретили этот сборник. Три произведения принадлежали перу Демулена. Два из них были им написаны до революции. Первое относилось к кардиналу Рогану и шумевшему делу с колье. Второе — сатира, написанная в 1787 г., отражает настроения автора в то время. Больше всего в ней достается королеве, которую автор сравнивает с Мессалиной. Позднее Демулен подтвердил свое авторство⁶.

В 1788 г. Демулен написал брошюру «Философия французского народа». Сам памфлет исчез. Существует лишь фрагмент, воспроизведенный газетой «Монитор». В нем Демулен обращается к народу, убеждая его «возвратить себе свои права и естественную свободу», не падать духом и не слагать оружия перед врагом. Он дает советы относительно будущей конституции и говорит о правах третьего сословия. Кроме этого Демулен написал «Оду Генеральным штатам», которая, впрочем, прошла незамеченной. Она неудачна в литературном отношении, но любопытна как отражение взглядов ее автора.

Накануне открытия Генеральных штатов в церкви Святого Людовика была отслужена торжественная месса. Несмотря на дождь, присутствовали все депутаты и король. В числе избранных депутатов от третьего сословия был [М.Робеспьер](#). Демулен писал отцу: «Один мой товарищ оказался счастливее меня. Это Робеспьер, депутат от Арраса». О своих впечатлениях об этих первых днях работы Генеральных штатов Демулен сообщал домой: «Вчерашний день был для меня одним из самых прекраснейших в моей жизни. Надо быть плохим патриотом, чтобы не участвовать в праздновании этого торжественного дня...»⁷

К. Демулен старается не пропускать ни одного заседания. Вместе с другими он внимательно следил за прениями, принимавшими все более острый характер. То, что происходило в Версале, где работали Генеральные штаты, привлекало внимание всей Франции. Демулен информировал отца о всех событиях, и тот знал обо всем лучше и раньше, чем из газет. Имея в виду известный впоследствии памфлет «Свободная Франция», Демулен в начале июня писал отцу: «Я занят в настоящее время составлением патриотического произведения. Завтра, в воскресенье, я возвращаюсь в Версаль. Я буду вдохновлять и вдохновляться... То, что происходит в Версале, должно подбодрить наших депутатов... Многие, слышавшие меня, здесь, — прибавляет он с наивным тщеславием, — удивляются, почему меня не избрали депутатом. Этот комплимент чрезвычайно для меня лестный»⁸. Памфлет «Свободная Франция» принес автору первый успех. Правда, вышел он с опозданием. И не потому, что не хватило нужной суммы денег для печатания: просто все типографии были перегружены работой. Как выразился Демулен. в Париже в это время наблюдался «дождь памфлетов».

В последующих письмах к отцу Демулен в ярких, живых красках описывает все события. «Пожар усиливается, — сообщает он, французская нация отказывается повиноваться. Власти хотели было наказать ее за неповиновение. 14 человек были заключены в тюрьму... Патриоты тотчас же отправились к тюрьме, взломали двери и с торжеством освободили заключенных... в ту же минуту отправили депутацию в Национальное собрание, чтобы добиться их официального помилования... Архиепископа едва не убили. Ваш принц Конде (принц Конде бывал у Демулена-отца. — Ю.М.) не смеет показываться. Он опозорен, освистан»⁹.

Маркиз де Ферьер писал о Париже тех дней: «Этот город переполнен всеми страстями... люди полны надежд на будущее и не боятся наступающей революции». Местом, где чаще всего собирались парижане и обсуждали все новости, был Пале-Рояль. Здесь произносились зажигательные речи, здесь рождались и умирали легенды, здесь ораторы становились героями. Здесь получили впервые известность будущие журналисты Лустало и Демулен. Здесь 12 июля 1789 г. Париж узнал об отставке Неккера. Город волновался. Нужна была искра, чтобы возник пожар. И такой искрой стала речь Демулена в Пале-Рояле. До того мало кому известный, с этой минуты он стал достоянием истории. В письме к отцу Демулен писал: «Весь Париж поражен отставкой Неккера. Напрасно пытался воспламенить умы, никто не брался за оружие. В три часа я отправился в Пале-Рояль. Я со скорбью говорил в одной группе о нашей общей трусости, как вдруг мимо прошли трое молодых людей, крича: «К оружию!»¹⁰.

Демулен присоединился к ним. Заметив его возбуждение, Камилля окружили, убеждая подняться на возвышение и обратиться к собравшимся. Он оказался в центре шеститысячной толпы. Видя внимание к себе и нетерпеливое ожидание каких-либо действий, Демулен, переборов робость и страх, обратился к слушателям: «Граждане! Я только что прибыл из Версала. Неккер получил отставку. Возможно ли большее глумление над нами? После этого уже, может быть, сегодня для патриотов готовят Варфоломеевскую ночь. Сегодня ночью все швейцарские и немецкие батальоны будут выведены на Марсово поле, чтобы их использовать против нас. У патриотов остается только одно средство — это прибегнуть к оружию. Итак, граждане, к оружию!»

Демулен, по его собственному признанию, говорил несвязно и беспорядочно, но нашел именно те слова, которых от него ждала толпа. Она разделяла экзальтированность оратора. Кончив говорить, Демулен сошел вниз. Его целовали, обнимали совершенно незнакомые люди. Кто-то предложил добровольно его охранять, кто-то просил его повести толпу за собой. Он заявил, что отказывается от роли вождя и предпочитает быть просто солдатом отечества. Затем Камиль взял зеленую ветку и прикрепил ее к шляпе. И толпа повторила его движение. Демулен вновь обратился к народу: «Свобода! Свобода! Она парит над нашими головами! Она увлекает меня в свой священный полет. Вперед к победе!.. Смотрите на меня, притаившиеся шпионы! Это я, Камиль Демулен, призываю Париж к восстанию! Я не боюсь ничего! Братья! Мы будем свободны!.. О листья, весело шумящие в едином порыве с народом, который пробуждается к новой жизни, будьте нашей эмблемой! Знаком нашего единения! Залогом нашей победы!»¹¹

Вспоминая свой звездный час, Демулен позже писал: «У меня в глазах были слезы, я говорил настолько увлеченно, что не мог бы теперь ни повторить, ни описать это»¹².

12–13–14 июля 1789 г. были беспокойными днями для Парижа. Швейцарцы отказывались применять силу против мирного населения, мотивируя это тем, что они поступили на службу к королю, чтобы защищать его от врагов государства, но не участвовать в гражданской войне. Вечером и ночью отмечались беспорядки. Были случаи грабежей лавок. Временами слышались крики и раздавались выстрелы. Словом, столица жила в ожидании событий. 13 июля в 6 часов утра раздался звон колокола городской ратуши. Ему вторили колокола Нотр-Дама, а вскоре к

ним присоединились колокола всех церквей Парижа. Продолжались призывы: «К оружию! К оружию!» Депутат Б.Инсар одним из первых произнес знаменательные слова: «Нам остается только одно: либо гражданская война, либо ярмо рабства!» Дистрикты приступили к созданию буржуазной гвардии. Все ждали неизбежной развязки. И она не замедлила наступить.

Вторник 14 июля 1789 г. Солнце взошло в 4 часа утра. Небо было затянуто тучами. Вновь стали собираться толпы. Обнаружили склад оружия. Все начали вооружаться кто чем мог. Именно в это время раздался клич: «На Бастилию!» И тогда почти тридцать тысяч людей устремились к крепости. По дороге присоединялись новые патриоты. Существует много рассказов о взятии Бастилии. Конечно, все свидетельства очевидцев, как правило, разнятся. Это и не удивительно. Непосредственные участники событий зачастую просто лишены были возможности видеть всю картину. Им центром происходящего казалось именно то место, где в данную минуту они находились. Вот почему необходимо сведение воедино нескольких мемуаров, что позволяет создать более объективную и панорамную картину. Важны и свидетельства людей, стоявших как бы над схваткой. Например, Юнга, оставившего свои воспоминания о Франции тех лет. Демулен писал отцу: «Я прибежал с первым выстрелом пушки, но Бастилия уже пала. Для этого хватило двух с половиной часов. Просто удивительно, если учесть, что она могла выдержать осаду в течение шести месяцев. Бастилия была взята буржуа и солдатами без командиров и офицеров»¹³.

Г.Бабеф, живший тогда в Париже, писал об этих днях: «Все вокруг идет вверх дном, все в таком брожении, что, даже будучи свидетелем происходящего, не веришь глазам своим... Ярость народа далеко еще не утихла, несмотря на смерть коменданта Бастилии и разрушение этой адской тюрьмы... народ мстит за себя. Наши правители вместо того, чтобы цивилизовать нас, превратили нас в варваров, потому что сами они таковы. Они пожинают и будут еще пожинать то, что посеяли...»¹⁴

Итак, Бастилия пала. Энтузиазм охватил Париж. Свидетели сообщают, что когда Людовик XVI узнал об этом событии, он воскликнул: «Да ведь это — бунт!» «Нет, ваше величество, — возразил ему на это герцог де Лианкур, — это не бунт, это революция!» В эти заполненные многими событиями дни Демулен думал о том, с чем ему обратиться к французскому народу. Лишь после взятия Бастилии стало возможным издание памфлета «Свободная Франция». В адрес автора приходило много писем со словами благодарности. Некто Мангури писал: «Вы способствовали началу революции... Вы — гениальный человек». Он предлагал свое сотрудничество. Другой поклонник, Бобур, рекомендуя Демулену свою оперу, напоминал ему, что он первый «помог Камиллю подняться на волшебное возвышение в Пале-Рояле». Еще никому не известный Сен-Жюст писал Демулену в те дни: «Ваши страницы полны прекрасных вещей. Аполлон и Минерва, видимо, еще не покинули вас». В гисьме к отцу Камиль с наивной гордостью сообщал: «Какие письма я получаю, какие слышу лестные слова. Одни называю учителями, другие — самым ревностным защитником свободы»¹⁵.

Безусловно, памфлет «Свободная Франция» написан талантливо и живо. Но он не несет в себе ничего самобытного и нового. В нем нет ни глубины осмысления действительности, ни строгой последовательности в изложении событий. Все эти недостатки компенсируются литературными достоинствами работы. Не даром Демулен воспитывался на чтении Цицерона и Тацита. У него много блеска, живых образов, метких характеристик, смелых обобщений. В каждой строке проявляются характерные особенности автора — искренне и глубоко преданного республиканским идеям, но в то же время импульсивного и чуть легкомысленного. Эти качества будут присущи Демулену на всем протяжении его журналистской деятельности. Он порою увлекался «мелкой рябью литературной игры» в ущерб политическому осмыслению революционной деятельности. Воздух революции, который вдыхал Демулен, порой его опьянял.

Патриоты горячо приняли «Свободную Францию», потому что она отразила их идеи, надежды и стремления. В несколько дней памфлет разошелся в большом количестве экземпляров. Но одновременно он вызвал взрыв негодования со стороны роялистов и монархических кругов. Клерикалы в Олероне разгромили книжную лавку, в витрине которой было выставлено это произведение Демулена. Тулузский парламент присудил брошюру к сожжению палачом. Есть ли высшая награда для демократического журналиста! Газета «Парижские революции» сообщала, что полиция приняла решение об аресте Демулена. Она же, со своей стороны, напомнила, что автор «Свободной Франции» был одним из тех, кто в знаменательные дни 12—14 июля оказал большие услуги отечеству¹⁶.

Демулен, суммировав все отклики на свой памфлет, решил дать сразу же всем ответ своим произведением «Речь фонаря». В предисловии он писал: «Примите в знак моей благодарности посвящение этого издания и да удостоится мой «Фонарь» от вас той же чести! Сомневаюсь, чтобы это младшее дитя имело бы такой же успех, как старшее»¹⁷.

«Речь фонаря» — одно из самых известных произведений Демулена. В ней в фантастической форме «фонарь» обращается к патриотам, излагая фактически политические взгляды автора. Брошюра эта не была подписана, о чем Демулен сообщал отцу и объяснял тем, что «Речь фонаря» не стоит «Свободной Франции». Отсутствие подписи не помешало всем узнать, кому принадлежит данная работа. Так что это оказалось секретом Полишенеля.

В «Речи фонаря» Демулен развертывает перед читателями картину будущей республики, олицетворяющей собою золотой век человечества. В этой утопии идеалы [Руссо](#) поразительным образом смешаны с идеалами античного мира. Автор показывает громадный союз людей, связанных узами братской любви, наслаждающихся безоблачным счастьем, собирающихся на общественные пиры, подобно гражданам Спарты и Афин. При этом Демулен вспоминает древний праздник Сатурналий, видя в нем прообраз принципов 89-го года. «Этот праздник, — отмечал он, — учрежден для напоминания о первоначальном равенстве... Не было ни судов, ни школ, ни сената, ни войн. Все сословия сливались воедино. Бедных угощали за столом без различия социального положения»¹⁸.

В идеальной республике Демулена добродетель и счастье являлись синонимами. «Я мечтал, — говорил он впоследствии, — о республике, которую бы все любили».

В письмах домой по поводу этой работы к патриотическим чувствам примешивается радость человека, принимающего непосредственное участие в революции. Сообщая о том, что он всегда придерживался тех принципов, которые теперь изложил публично, Демулен воспринимает революцию, благодаря которой стал возможен сам факт появления этой брошюры. [Мишле](#) позднее дал высокую оценку этому произведению Демулена: в нем автор «показал свой гений».

Опьяненный успехом, Демулен принимает шуточно данное ему прозвище «генерального прокурора фонаря». [Ламартин](#), обратив особое внимание на это, в своей «Истории жирондистов» писал, что Демулен своим произведением завоевал у народа авторитет и имя его сделалось известным всей Франции. Сам Камиль в письме к отцу отмечал: «Мой "Фонарь" производит такое же впечатление, как и «Свободная Франция». Три дня тому назад кто-то окликнул меня в Собрании. Все присутствующие депутаты трех сословий с любопытством посмотрели в мою сторону, что было для меня лестно»¹⁹.

И все же было бы неверным представлять жизнь Демулена этой поры в розовом свете. К гордости успехами примешивалось чувство неудовлетворенности собой. В одном из писем он признавался: «И все-таки я не очень-то счастлив. Порою жизнь кажется мне прекрасной, но уже в следующую минуту я нахожу ее отвратительной. И так по нескольку раз в день». Материальное положение и литературный заработок Демулена далеко не соответствовали его популярности. Отсюда и колебания в настроении. Он часто нуждался в самом необходимом. В письмах, жалуясь на гнетущую его нужду, Демулен пишет, что на свете мало имеется людей, которым бы он завидовал, одновременно сообщая, что его «Фонарь», обогативший книготорговца, ему самому принес незначительную сумму.

Демулен умоляет отца прислать немного денег и постельные принадлежности. «Неужели, — восклицает Камиль, — у меня нет ни семьи, ни собственности? Ни отца, ни матери?.. Поразительно! Вот уже десять лет, как я жалуясь. Мне легче было совершить революцию, перевернуть всю Францию, чем добиться от родного отца оказания необходимой мне помощи. Что вы за человек?! При всем вашем уме и ваших добродетелях, вы так и не сумели понять меня. Вы всегда несправедливо обвиняли меня, называя мотом и расточителем, а я никогда не был ни тем и ни другим»²⁰.

Здесь звучит преувеличенная нота, преобладающая в настроении Демулена. Хорошее и плохое — все в его болезненном воображении принимало гиперболические размеры. Недоверие отца и родных к его политическим успехам больно задевали самолюбие Демулена. Он отсылает домой все свои статьи и памфлеты, критические отзывы в печати, самые лестные и сочувственные. Но все было напрасным. Если абстрагироваться от эмоций Камилля, то дело все выглядело просто. Его отец, человек здравого ума, рассудительный, осторожный, скептически относился к грому рукоплесканий, раздававшихся в адрес его сына. Он словно бы предчувствовал мимолетность славы, так внезапно пришедшей, и, читая восторженные письма сына, грустно и мудро улыбался. Особого достатка в семье не было, но отец, рассчитывая все же вернуть сына, не спешил посылать ему деньги в Париж, справедливо полагая, что в этом городе сколько не имей денег, все равно их никогда не будет хватать. Став известным, но не имея средств, Демулен размышлял о будущем без всякой надежды на помощь из дома. Именно в это время на него обратил внимание Мирабо и постарался завербовать талантливого молодого журналиста. Он знал, как воздействовать на Демулена. Тонкая лесть, дружеское внимание, гостеприимство — вот ключи, которыми Мирабо открывал душу Демулена. И вскоре

Камиль стал сотрудничать в издании Мирабо «Газета Генеральных штатов». Когда она была запрещена, Мирабо, изменив название на «Письма графа Мирабо своим избирателям», продолжал свою журналистскую деятельность. Позже газета стала называться «Курьер Провинции», тираж ее превышал 10 тысяч экземпляров. Демулен считал для себя честью сотрудничать с Мирабо. Ему казалось, что судьба наконец-то сжалилась над ним. О его настроении в это время лучше всего свидетельствует письмо к отцу: «Мирабо предложил мне быть сотрудником в его газете. Я колеблюсь... Но все же думаю, что буду с ним работать и надеюсь получить от вас совет»²¹.

Демулен переехал в Версаль и стал работать с Мирабо, у Мирабо и для Мирабо. Через некоторое время он сообщает отцу: «Вот уже восемь дней, как я нахожусь в Версале у Мирабо. Мы с ним стали большими друзьями. Он называет меня: «Мой дорогой друг». То и дело берет меня за руки... Из Собрания он возвращается к обеду... мы пьем прекрасные вина. Я чувствую, что его стол, такой изысканный и обильный, развращает меня... мне после всего этого крайне трудно возвращаться вновь к моей республиканской суровости и ненавидеть аристократов...»²²

Демулен был в газете фактически секретарем. Он и сам написал несколько статей. Личное обаяние и популярность Мирабо не могли не оказать влияния на Демулена. Но он все же не был, при всех своих слабостях, у Мирабо в роли Мижуева, зятя Ноздрева. Камиль пытался бороться против чрезмерного влияния Мирабо, отстаивая свою самостоятельность, ревниво оберегая неприкосновенность своих политических взглядов. Уже в «Речи фонаря» по поводу агитации Мирабо в пользу королевского «veto» Демулен, обращаясь к Мирабо, писал: «Я сожалею, что тебя обвиняют в поддержке придворной партии и говорят, будто бы ты сказал, что если король не получит право на «veto», то лучше тогда жить в Константинополе»²³.

Мирабо резко возражал против VI главы «Свободной Франции», в которой провозглашались республиканские идеи. Демулен ответил на это юмористическим стихотворением, начинавшемся так:

Друзья мои! Есть два Мирабо.
Один — негодяй, другой — пьяница.
Решайте сами, какой из них лучше,
И какой менее бесстыдный.

Необходимо отметить, что у Мирабо Демулен прошел полезную школу. Он узнал, как делается газета от начала до конца. Камиль понял, что даже при размахе Мирабо финансовая сторона еще не гарантирует успех издания. Демулен ближе познакомился с работой Национального собрания. Он узнал много людей, с которыми потом сталкивался в ходе революции. Мирабо, ценя журналистские способности Демулена, пытался его привязать к себе, но сделать этого до конца не смог. Уж слишком очевидно он пытался защищать королевскую партию и слишком понадеялся на свое знание политики и людей. Мирабо как-то заметил Демулену: «Вы лучше меня понимаете принципы революции, но я лучше вас знаю людей».

Первые расхождения привели к более серьезным размолвкам. Беспринципность Мирабо становилась все более очевидной. «Святой, божественный Мирабо», как его вначале называл Демулен, позднее превратился в «предателя, в Мирабо-Маккиавелли».

Узнав о внезапной кончине Мирабо, Демулен был глубоко потрясен. «Мирабо умирает!.. Мирабо умер! — восклицает он. — Какую громадную добычу захватила смерть!» В газете «Революции Франции и Брабанта» Камиль писал: «Казалось, он спал. Лицо его еще жило, сохраняя свое обычное выражение. Больше всего меня поразило отражавшееся на нем безмятежное спокойствие праведника и мудреца... Мирабо умер патриотом»²⁴.

Когда же слухи о продажности Мирабо подтвердились, Демулен с горечью обличал «роскошь Лукуллоратора». Обращаясь к читателям, он писал: «О, развращенная нация! О, глупый народ, ступай же преклоняйся перед могилой этого... человека, истинного Меркурия своего века, бога ораторов, лгунов и воров». Впрочем, эти слова он, кажется, обращал прежде всего к самому себе. Ибо нет большего несчастья, чем разочароваться в своих кумирах.

Через некоторое время в письме к Бриссо Демулен так объяснил свои противоречия по отношению к Мирабо: «Мирабо пригласил меня погостить у него в Версале. Я был тогда польщен его вниманием, уважительным отношением, тронут его дружбой. Он мне imponировал своим гением и великими достоинствами. Я обожал его. Но друзья Мирабо знали, как он боялся моей цензуры... Значит ли это, что я продал себя Мирабо?...» Такое объяснение, по правде говоря, больше похоже на оправдание.

Расхождение с Мирабо было предопределено всем ходом развития революции. Слишком они были разными людьми. Женевский священник Э.Дюмон, знавший Демулена именно в это время, писал о нем в своих воспоминаниях: «Камиль показался мне как раз тем человеком, которого все звали взрослым ребенком. С поднятой головой, во многом несведущий и легкомысленный, но делающий в политике свои первые правильные шаги»²⁵.

В октябре 1789 г. Демулен сообщает отцу о принятом решении покинуть Мирабо и переехать в Париж. Кончился важный период жизни. «Я вписал свое имя крупными буквами в историю революции», — писал Демулен.

Он решается выпускать свою газету «Революции Франции и Брабанта», которая выходила с ноября 1789 г. по июль 1791 г. В этот период Демулен пишет много и плодотворно, запечатлевает все события. Злая ирония и суровый реализм, энтузиазм и отчаяние, веселый смех и гнев сменяют друг друга, невольно увлекая читателя. Разоблачая злоупотребления старого режима, Демулен нападал на противников республиканской формы правления. При этом зачастую жертвами его сатиры становились прежние его идолы или же вознесенные на пьедестал почета временные национальные герои. Так, Неккера, который вдохновил его на знаменитую речь в Пале-Рояле, Демулен обвинял теперь в измене, требуя предать его суду. Революция вносила свои поправки в оценку тех или иных деятелей. Выходу первого номера газеты предшествовал проспект, «адресованный всем патриотам». Демулен, автор «Свободной Франции» и «Речи фонаря», сообщал в нем о предстоящем выходе своей газеты. Сначала о названии. В глазах Демулена революция не была Явлением только французским. Бельгийцы последовали примеру Французов, и вскоре освободительное движение охватило всю австрийскую часть Нидерландов²⁶.

Демулен договорился с издателем (вот когда пригодилась его популярность!) о подписании контракта, который гарантировал ему две тысячи экю в год, т. е. шесть тысяч франков. Безусловно, для него это означало выход из всех затруднений. Наконец-то, почти в 30 лет он стал обеспеченным человеком. Начальные номера газеты принесли желанный успех. К.Демулен писал домой: «Вот я и журналист. Это достаточно хорошая роль и уже больше не презираемая профессия... Сегодня во Франции именно журналист... сам себе и консул и одновременно диктатор»²⁷.

Первый номер газеты «Революции Франции и Брабанта» вышел 28 ноября 1789 г. Газета выходила еженедельно в форме брошюры in-18, 48 страниц на серой бумаге. Подписная цена на три месяца была чуть больше 6 ливров для столицы и 7 ливров для провинции. С третьего номера обложка украшалась эстампом или фронтисписом почти всегда сатирического содержания. Коллекция всех номеров газеты насчитывает девять томов.

Разумеется, Демулен, как и большинство его собратьев, был далек от современного понимания роли печати, хотя и знал отлично силу печатного слова. Как редактора его отличала широта интересов и эрудиция, что иногда оборачивалось во вред делу, так как газета обращалась к самой широкой публике. В первых номерах Демулен писал: «Я прошу прощения, дорогой читатель, за цитаты. Я не отрицаю того факта, что это выглядит несколько педантично в глазах честных людей, но я питаю слабость к грекам и римлянам. Как мне кажется, ничто так не выражает идеи автора, как сравнения и образные выражения».

От многих своих собратьев по перу Демулен выгодно отличался литературной одаренностью и культурой. Один из современников писал о нем, что это «самый одаренный из всех памфлетистов. Никто не обладал таким остроумием, которым он единственный так умело пользовался наряду с эрудицией». Сент-Бёв позднее писал о журналистских качествах Демулена: «Он был гений атаки. С одного взгляда он находил у противника уязвимые и слабые места и всеми средствами их атаковал». Ламартин отмечал у него наличие вольтеровского сарказма и умение чувствовать то, о чем думают народные массы. Он называл Демулена Ювеналом революции. Сам Камиль отмечал: «Я ничего не пишу для славы, но только — для родины».

С первого же номера своей газеты К.Демулен окупился непосредственно в борьбу, которая развернулась и в Национальном собрании, и в секциях, и в печати. В первую очередь он отметил ту нелепость, по которой собрание народных представителей и король находятся в разных местах, что порождает многочисленные слухи, многочисленные надежды у врагов революции. Он обрушился на королевскую семью, и особенно на королеву, которую назвал только женой короля, не имеющей никакой власти²⁸.

Демулен принял активное участие в обсуждении декрета о марке серебром, устанавливавшего имущественный ценз для избирателей. «Скоро во Франции, — отмечал Демулен, — будет узаконено аристократическое правительство — это самая большая победа, одержанная врагами в Национальном собрании. Чтобы понять всю абсурдность этого декрета, достаточно только сказать, что Руссо, Корнель и Мабли были бы лишены избирательного права». Обращаясь к духовенству, Демулен добавлял; «О вы, презренные священники, глупые и лицемерные бонзы, разве вы не видите, что ваш бог не мог бы быть избранным? Иисуса Христа, имя которого вы произносите с кафедр и трибун, вы разместили среди негодяев»²⁹.

Демулен решительно встал на защиту народа, обвиняемого реакцией в жестокости из-за убийства маркиза Фавра³⁰. Это дело послужило сигналом для клеветнической кампании монархической печати против патриотов. Когда реакционный лагерь сравнивал народные массы с разъяренным тигром, Демулен отвечал: «Тигр — это деспот, а не парод. Никогда не было народа-Нерона, народа-Калигулы, если можно так выразиться. Покажите мне народ, у которого была бы Бастилия, который, подобно многим тиранам, приговаривал бы к смерти тех, кто оскорблял его пасквилями... Народ низвергает с Тарпейской скалы, как было в Риме, избивает камнями, как у евреев... Называть народ тигром — нелепая клевета... Он слишком страдает, чтобы не быть чувствительным. Поэтому необходимо предостерегать его скорее от сострадательности, чем от строгости»³¹. Как только Демулен резко выступил против аристократов, как только он обрушил свой удар против монархического лагеря, так сразу же сам стал объектом для клеветы. Его называли «подлым человеком», «наглым злодеем», «клеветником», «презренным негодяем». Газетенка «Друг короля» писала, что Демулен из числа «тех ораторов, так называемых друзей народа, этой жестокой шайки кровожадных писателей, которых небо послало в своем гневе или скорее ад извергнул в ярости на всеобщую погибель несчастной империи», Реакционная газета «Деяния апостолов» иронически называла журналиста «добреньким Камилем». Роялистский памфлет «Утверждение национального Верховного Суда» утверждал, например, что Демулен, бывший адвокат, «стал журналистом лишь только потому, что был изгнан из сословия адвокатов». Составленная аристократами одна из роялистских брошюр сообщала, что «газетный писака Демулен, который еще недавно спал в прихожей, теперь спит на мягкой постели с шелковыми голубыми занавесями... Некогда он был вынужден вести образ жизни Талера, лакея Страбона: фрукты, лук и вода. Теперь он обедает в шикарном ресторане за девять франков»³².

Один из роялистских деятелей Мирабо-Тонно говорил, что сам факт существования произведений Демулена уже есть преступление. И за пределами Франции стараниями роялистов появлялись клеветнические материалы против Демулена. Он сам об этом информировал читателей: «Я только что получил в редакции своей газеты столько ругательств, напечатанных в немецких изданиях... что я хорошо понимаю необходимость для патриотов распространять наши философии завоевания по другую сторону Рейна»³³.

В эти трудные минуты Демулена поддерживали письма патриотов, которые горячо приветствовали каждый номер его газеты. Так, П.Манюэль, будущий член Конвента, обращался к нему: «Ваша газета одна из тех, в которых так нуждается Национальное собрание. Именно такие писатели, имеющие ваше мужество и ваши принципы, делают революцию». Один из подписчиков сообщал, что каждую неделю ждет «Революции Франции и Брабанта» с нетерпением. Юный Сен-Жюст писал: «Было бы напрасно вам говорить, так как вы не любите глупых похвал, что страна гордится вами».

Основную тяжесть борьбы с монархией и контрреволюцией несли демократические газеты. Против них в первую очередь применялись репрессивные меры со стороны властей. В конце июля — начале августа 1790 г. в Национальном собрании с обличением газет Марата и Демулена выступил Малуэ. Он заявил, что после «целого года молчания и презрения хочет воздать должное не за частные оскорбления, но за общественные преступления»... «И все это происходит на ваших глазах, — патетически обращался Малуэ к депутатам, — у вашего порога... Злодеи публикуют и распространяют все эти сочинения, подстрекая народ к беспорядкам, к кровопролитию... атакуя... конституцию и свободу... Я вас разоблачаю, г-н Марат и г-н Демулен!»³⁴

При этих словах в зале заседания поднимается большой шум, который долго не стихает. Оратор некоторое время не может говорить. Наконец, уловив момент, почти задыхаясь от чрезмерного напряжения, он продолжает: «Читайте последний номер газеты «Революции Франции и Брабанта»! (Имеется в виду номер за 24 июля, в котором Демулен писал о беспорядках на Марсовом поле. — Ю.П.). Есть ли более ужасные враги конституции, чем те, кто хочет превратить короля и страну в объект презрения и скандала, пользуясь для этого замечательным праздником (речь идет о празднике Федерации 14 июля 1790 г. — Ю.П.), на котором король получил доказательства любви и верности из различных районов страны». Депутаты, уже собиравшиеся покинуть зал заседаний, с большим вниманием слушали выступление Малуэ, которое не было предусмотрено повесткой дня. Дело начинало приобретать опасный характер. Журналист Гара-младший заявил, что не читал последний номер газеты Демулена, но отказывается верить в то, что Камиль пошел так далеко по дороге насилия, как Марат. Он напомнил о революционных заслугах Демулена. Услышав это, Камиль воскликнул: «Это непостижимо — обвинять меня и в моем лице всех настоящих граждан!» На что Малуэ цинично заметил: «Пусть это обойдется мне в круглую сумму, но я хочу доставить себе радость посадить Демулена в тюрьму».

Конечно, Малуэ метил не только и не столько в Демулена, сколько во всю демократическую печать, направляя удар в наиболее уязвимое ее звено, зная личные качества Демулена и умело играя на этом.

Демулен был человеком минуты, увлечения, порыва. Боевой пыл всецело захватывал его, закрывая порою действительность, заставляя терять чувство меры. Он врзался в толпу, в ряды врагов, не разбирая препятствий, нанося удары налево и направо, не слыша стонов падающих, не замечая льющейся крови. Он сознательно толкал себя в самую гущу врагов. Только тогда Демулен чувствовал себя в своей стихии. И все его лучшие произведения свидетельствуют об этом. Для повседневной черновой работы он не подходил. К нему как ни к кому приложимо известное изречение Лабрюйера: «Бросьте меня в гущу войска, сделайте простым солдатом, и я — Терсит; поставьте меня во главе армии, дайте мне помериться силами со всей Европой, и я — Ахилл»³⁵.

2 августа 1790 г. в Национальном собрании был зачитан адрес Демулена. В нем он выражал свое возмущение тем, что Малуэ не представил номера газеты, вызвавшего настоящий декрет против него, и требовал, чтобы этот номер был направлен в Комитет для изучения и для мотивированного ответа. Малуэ вновь поднялся на трибуну и поддержал свое обвинение, заявив: «Если Демулен невиновен, пусть он оправдается. Если же виновен, я сам буду обвинителем его и всех тех, кто станет его защищать. Пусть Демулен оправдается, если он осмелится на это!»

Демулен, присутствовавший на заседании, рассказывал: «Я буквально задыхался, слыша эти слова. Положение мое было так ужасно, что будь я даже нем, я бы приобрел дар речи, подобно сыну Креза». В наступившей тишине после слов Малуэ, когда все головы повернулись в сторону Демулена, он нашел в себе силы ответить: «Да, я решаюсь на это!» В зале вновь возник шум. Демулен пытался говорить, но ему мешали. Председатель отдал приказ арестовать Демулена за нарушение правил ведения собрания. Шум нарастал. Теперь говорили уже все. Никого и ничего не было слышно. Демулен, больше обычного заикаясь от волнения, пытался что-то объяснить. Но где там! Его никто не слушал. Но вот на трибуне М.Робеспьер. Как всегда, он говорит негромко, но четко. Последние ряды начинают его внимательно слушать. Постепенно устанавливается всеобщая тишина. «Господа, — говорит Робеспьер, — я думаю, что приказ, отданный председателем, был необходим. Если бы он касался постороннего человека, я бы потребовал его немедленного наказания. Но если речь идет о Демулене, то должны ли мы путать необдуманность поступка с преступлением?.. Невозможно предположить, что он имел намерение оскорбить законодательный корпус. Гуманность в союзе со справедливостью говорят в его пользу. Я требую освобождения Демулена и перейдем к повестке дня».

Благодаря выступлению Робеспьера Демулен избежал заключения в тюрьму и декрет против него был предан забвению. Тогда один из членов роялистской партии вызвал Демулена на дуэль. Камиль отвечал на это: «Я готов умереть на эшафоте... Я с честью умру от руки Сансона, но погибнуть от вызвавшего меня на дуэль забияки — то же самое, что умереть от укуса тарантула... Увы! Боюсь, что недалеко то время, когда представится много возможностей погибнуть с большей славой и пользой».

Через некоторое время в жизни Демулена произошло очень важное событие. Он наконец получил согласие родителей своей любимой **Люсиль** на брак с ним. Она стала подлинной страстью его и любовью. Люсиль иногда ставят рядом с м-м Ролан, которую Мишле и Шлоссер называли одной из выдающихся женщин французской революции. Надо прямо сказать, что это несопоставимые личности. Люсиль оказала большое влияние на Демулена. Это несомненно. Бесспорно и то, что она сама была незаурядным человеком. В 17 лет она прочитала «Новую Элоизу» Руссо и навсегда пленилась этой книгой. Судьбу **Люсиль** сравнивают также с судьбой М.Башкирцевой. Обе имели личный дневник, в котором откровенно и подробно описывали свои переживания. Обе были натуры поэтические и легкоранимые. На одной из страниц своего дневника Люсиль написала своеобразный эпитаф: «Напишите на моей могиле: она любила». Люсиль Демулен не обладала особой красотой, но принадлежала к тому типу женщин, которых красят даже их недостатки. Все, кто видел ее, восхищались ею. Она поражала необычайной цельностью. Небольшого роста, стройная, грациозная, с грезовской головкой, окаймленной светлыми волосами (ей было в это время 19 лет). В ней была какая-то затаенная грусть и некоторое недоверие к жизни. Она боялась людей, которые могли ее не понять. Горячая поклонница Руссо, она была натурой впечатлительной, романтической, болезненно-чуткой.

В минуты тяжелых раздумий, мучительных сомнений мечтательная и экзальтированная Люсиль искала убежище в религии. Искала, но не всегда находила. Любовь ее притягивала своей поэтической стороной. 16-ти лет она писала в дневнике: «Я еще не любила и не люблю. Когда же я полюблю? Говорят, все должны любить. Уж не в 80 лет суждено мне полюбить?!» Удивительно точно подходят к ней эти строки из А.Шенье:

Ты вянешь и молчишь, печаль тебя снедает;

На девственных устах улыбка замирает.

Давно твоей иглой узоры и цветы

Не оживлялися. Безмолвно любишь ты

Грустить...

Счастливы юноши! Но кто, скажи, меж ними...

...Краснеешь? Я молчу,

Но знаю, знаю все, и если захочу,

То назову его. Не он ли вечно бродит

Вкруг дома твоего и взор к окну возводит?

Ты втайне ждешь его. Идет, и ты бежишь

И долго вслед за ним, незримая, глядишь...³⁷

Демулен тоже не обладал притягательными внешними данными. Говоря о Демулене в последний период его жизни, кто-то из современниц отметил, что «при неправильных чертах лица в нем было что-то обаятельное и привлекающее внимание». Глядя на его портрет, трудно не согласиться с этим отзывом. Широкий красивый лоб, обрамленный длинными вьющимися волосами, черные глаза, живые и выразительные, отмеченные остроумием и страстью. Весь облик Демулена свидетельствует о нем как о человеке страстном и увлекающемся. Он явился перед Люсиль, окруженный ореолом славы знаменитого публициста. Это была как бы сама Революция. И Люсиль полюбила его. Выйдя замуж за Демулена, Люсиль все свое время и свою жизнь посвятила человеку, которого она боготворила и за которым фактически следом отправилась на эшафот, ненадолго переживя своего любимого. А.И.Герцен назвал ее «Офелией революции, бродящей возле топора, ожидая свои черед...»³⁸

В эти счастливые дни отец Демулена, трезво глядя на вещи издали, писал сыну: «Мне говорят о твоих успехах. Я, правда, отношусь к ним небезучастно, но меня, честно говоря, гораздо больше волнуют те опасности, которым ты подвергаешься». Слепленный успехом, Камиль отвечал несколько снисходительным тоном победителя: «Теперь, думается, вы не будете смеяться над моими мечтаниями и предсказаниями, над моей республикой, надо всем, что вы, наконец, увидели собственными глазами. Всю жизнь вы писали и боролись против второстепенных врагов. Вы хотели лишь обрезать ветви, а мы, как видите, срубили само дерево»³⁹.

Между тем последующие события доказали правильность суждений отца Демулена. Пока Учредительное собрание по частям разрабатывало и вводило в действие отдельные статьи конституции, пока в демократической прессе разоблачалась политика роялистской партии, в самом Париже зрел заговор. Все настойчивее из королевских кругов звучали призывы к вооруженной интервенции абсолютистских правительств европейских стран против «взбунтовавшейся Франции». В глубокой тайне в течение года разрабатывался план побега короля и его семьи. 21 июня 1791 г. королевская семья решила, что пора пришла. В своей газете Демулен писал: «Во вторник 21 июня парижане узнали о бегстве короля и его семьи... Измена! Клятвопреступление!.. Барнав и Лафайет злоупотребили нашим доверием»⁴⁰.

Волнение и гнев охватили Париж в эти дни. Открыто раздавались голоса, требовавшие ликвидации королевской власти и суда над Людовиком XVI. Демулен восторженно писал в эти дни: «Провидение прекрасно служит делу патриотов... Без короля и без регента мы будем иметь республику. Кажется, что само небо послало нам этот единственный случай, чтобы основать республику»⁴¹.

Становилось очевидным, что борьба за судьбу короля равносильна борьбе за судьбу революции. Реакционеры прекрасно уловили внутренний смысл этой борьбы. И А.Барнав, выступая в Собрании, четко изложил позицию реакционных кругов: «Нам причиняют огромное зло, когда продолжают до бесконечности революционное движение... В настоящий момент, господа, все должны чувствовать, что общий интерес заключается в том, чтобы революция остановилась»⁴².

То, о чем говорили в кулуарах и узком кругу, было произнесено во всеуслышание. Сомнений больше не было. Наиболее крупная и реакционная часть буржуазии перешла в открытое наступление. Собственно, это не стало неожиданностью. Подобное можно было предвидеть раньше, когда Учредительное собрание пошло на разделение граждан на активных и пассивных. Тогда уже крупная буржуазия отделилась от основной массы третьего сословия, установив фактически и юридически свое господство. Отсюда берет начало 9 термидора 1794 г.! Но это будет позднее. Сейчас же задача состояла в том, чтобы реабилитировать короля. При обсуждении этого вопроса раскололся Якобинский клуб. Правая часть якобинцев основала новый клуб, Клуб фейянов (название по занимаемому помещению). Этот клуб и стал центром крупной буржуазии, лидерами которой были Лафайет, Байи и «триумвират» — Барнав, Дюпор и Ламет. Чтобы «реабилитировать» короля, надо было действовать и найти «виновных».

17 июля 1791 г. на Марсовом поле собралось несколько тысяч парижан для обсуждения и подписания нового текста петиции, осуждавшей монархию. Туда же были стянуты по приказу Учредительного собрания крупные отряды войск и национальной гвардии под командованием Лафайета. Спровоцировав беспорядки, войска открыли огонь по безоружным людям. Несколько десятков человек были убиты на месте. После этого кровавого инцидента Учредительное собрание быстро «испекло» декрет о суровом наказании «мятежников». Было решено начать судебное преследование участников демонстрации 17 июля, а по пути решили разделаться и с демократической печатью.

Эти события имели крупные политические последствия и оказали большое влияние на дальнейшее развитие революции. Бойня на Марсовом поле — а иначе нельзя назвать расстрел безоружного народа — вырыла пропасть между представителями прежде единого «третьего сословия» — между господствующей верхушкой буржуазии, которая удовлетворялась превращением Франции в конституционную монархию, и более демократически настроенными плебейскими массами и мелкой буржуазией, толкавшими революцию вперед.

Роль Демулена в этот день неизвестна. По одним источникам он принял в событиях самое активное участие, по другим — обедал за городом в обществе Дантона и Фрерона. Но абсолютно точно известно, что уже вечером этого дня появился приказ об аресте Дантона и Демулена. В тот вечер Демулен еще успел произнести пламенную речь в Якобинском клубе против Байи и Лафайета. Тотчас же после окончания своего выступления он был вынужден скрыться от преследований.

Полиция, явившись его арестовать, нашла в конторе газеты одного из сотрудников. На типографию был наложен арест. После 17 июля Демулен издал еще один номер газеты «Революции Франции и Брабанта», посвятив его полностью Лафайету — «фениксу полицейских альгвазилов». Учитывая общую неблагоприятную обстановку, в которой стало невозможным издавать газету, Демулен решил временно прекратить журналистскую деятельность. «Мне очень тяжело бросать перо», — писал он, прощаясь со своими читателями.

В начале сентября 1791 г. Демулен обратился в Национальное собрание с запросом: может ли он участвовать в выборах и выставить свою кандидатуру в депутаты. Ответа не последовало. Месяц спустя он стал секретарем Общества друзей конституции. Демулен явился в Якобинский клуб, объявив, что принял это избрание как «приглашение прервать молчание». Он стремился иметь трибуну, но прежний энтузиазм и оптимизм покинули его. И настроение и тон его речей иные. Нет прежнего пыла, стремительности, веры и надежды, что было избыточно у него два года назад. Экзальтация сменилась утомлением и разочарованием в народе. Он говорил: «Народ не шел навстречу свободе, его привели к ней... Революцию повсеместно совершали немногие — два-три гражданина. Всегда в этой стране народ был рабом власти и властей». Из одной крайности Демулен бросается в другую. От слепого поклонения народу до полного отрицания его возможностей. И никто, кроме Марата, а раньше Лустало, не поднимал вопроса о необходимости воспитания этого самого народа, о подготовке его к восприятию того нового, что принесла революция. Сам-то народ Демулену и другим был известен больше по произведениям просветителей, а не на основании глубокого и личного изучения. Вот отчего народные выступления в ходе революции ставили ее в тупик и не всегда они могли быстро и правильно найти выход.

Все XVIII столетие работало, готовя почву для революции! Когда же она свершилась, решили, что теперь все понятно. Демулен пытался примирить непримиримое. Так, признавая необходимость придерживаться конституции, признавая факт ее существования, он одновременно с этим доказывал ее непригодность и «недозрелость». «Как гражданин, — писал Демулен, — я придерживаюсь Конституции. Как политик, я предсказываю ее близкий конец». Отказываясь от пропаганды республиканской идеи, он отмечал: «Пусть не клеветают на меня и не говорят, что я проповедую республику... Те, кто называл нас в последнее время республиканцами и врагами короля, делали это для того, чтобы уронить нас в глазах глупцов и были неискренни. Они знали, что мы не настолько невежественны, чтобы видеть свободу в отсутствии королевской власти».

Разумеется, необходимо помнить, что Демулен был вынужден в то время скрывать свои республиканские идеи: обстоятельства этому не благоприятствовали. Всю желчь он изливал на Национальное собрание, которое обвинял в преднамеренных ошибках, в выработке нежизнеспособной конституции ради реставрации старого порядка. «Национальное собрание, — писал Демулен, — чистое в своем истоке... загрязнилось и в конце уподобилось реке Гобелинов, которая... при впадении в Сену представляет собой сток для нечистот».

А реакция все усиливалась! К концу 1791 г. даже лучшие революционеры стали совершенно отчаиваться в революции. Марат ее считал погибшей. «Революция не удалась», — писал он в своей газете «Друг народа». Он видел единственный выход в обращении к народу, но его никто не слушал. «Стены Бастилии разрушены усилиями бедняков, — писал он в газете «Друг народа» 21 июля 1791 г. Пусть обратятся к ним — и они снова проявят себя так же, как и в первые дни. Они готовы теперь, как и тогда, бороться с тиранами. Но тогда они могли действовать свободно, а сейчас связаны».

Демулен, выступая в Якобинском клубе в 1791 г., говорил: «Реакционеры обратили себе на пользу июльское и августовское движение 1789 года. Придворные фавориты, чтобы обмануть народ, говорят о народном верховенстве, о правах человека, о равенстве всех граждан и при этом наряжаются в мундиры национальной гвардии, чтобы получить или даже купить места офицеров этой гвардии. Вокруг них собрались те, кто поддерживает трон. Демоны аристократии проявили адскую ловкость».

Осенью 1791 г. Демулен связывал свои надежды с работой Законодательного собрания. Принимая горячее участие в политической деятельности, он жалеет теперь об отсутствии своей газеты. Попытка основать новую газету «Трибуна патриотов» окончилась неудачей. В письме к отцу от 3 апреля 1792 г., жалуясь на то, что не имеет достаточно средств, Демулен признавался, что совершил большую ошибку, прекратив издание своей газеты, являвшейся, по его словам, «силой, перед которой дрожали его враги». Упомянув о своей адвокатской деятельности, он с горечью прибавлял: «Тяжело мне унижаться и защищать интересы буржуазии после того, как я писал о современных проблемах перед лицом всей Европы... возвышал или унижал главных действующих лиц революции».

Нужны были какие-то побудительные мотивы, способные вывести демулена из этого состояния. Именно в это время Робеспьер произнес знаменательные слова: «Нам предстоит либо вновь впасть в прежнее рабство, либо снова братья за оружие». Последующие события подтвердили справедливость этих слов.

Народное восстание 10 августа 1792 г. свергло монархию и лишило политического господства реакционно-монархическую крупную буржуазию. В.И. Ленин писал, что «с прогрессом революции изменяется соотношение классов в революции»⁴³. Народ, оказывая давление на ход событий, зачастую выступал катализатором революции, способствуя ее углублению. Как отмечал Бабеф, «избыток аристократии достиг такой густоты, что потребовался второй приступ революции, чтобы выйти из кризиса. И вот это произошло! Пролилась кровь патриотов, но она дорого обошлась предателям, ее пролившим»⁴⁴. Своей победой революция была обязана исключительно народным — мелкобуржуазным и плебейским — массам Парижа и Франции.

А что же делает в эти дни К. Демулен? Фрерон предложил Демулену сотрудничать с ним в его газете «Трибуна патриота». Камиль согласился. В конце апреля 1792 г. появился проспект, извещавший о выходе новой еженедельной газеты. Все в этом издании должно было носить дух, идеи и стиль «Революций Франции и Брабанта». Демулен писал в проспекте: «В настоящее время газета — это власть, самая большая власть... стать журналистом — то же самое, что стать одним из пэров Франции и иметь даже больше влияния на жизнь, чем принц... Трепещите, интриганы, карьеристы, аристократы и контрреволюционеры всех мастей. Я еще раз скажу всю правду о всех партиях».

Газета, как уже отмечалось, не оправдала надежд Демулена. Поддержка позиции Робеспьера в споре с жирондистами по вопросу о войне, к которой призывали бриссотинцы, привела к столкновению между Демуленом и Бриссо, газета которого, «Французский патриот», писала о Камиле: «Этот человек называет себя патриотом лишь для того, чтобы клеветать на патриотизм». Демулен ответил на все эти инсинуации страстным, убийственным памфлетом «Разоблаченный Бриссо», в котором, между прочим, осуждались воинственные заявления Бриссо и доказывалась необходимость нести свободу мирным путем, а не восстанавливать против революции другие страны и народы.

Памфлет Демулена, может быть, и не отличался строгой логикой речей Робеспьера, где каждая фраза была тщательно отделана и била в одну точку, не отклоняясь ни на йоту в сторону и не давая противнику возможности что-либо конкретно возразить. Однажды попав под пресс Робеспьера, вывернуться фактически было уже невозможно. Никакой двойственности его выступления не создавали. Все было четко и ясно. У Демулена таких качеств не было. У него эмоции перехлестывали через край. Увлечшись чем-то, он зачастую забывал первопричину, затем спохватывался, возвращался, с тем чтобы через некоторое время вновь ринуться в пучину дискуссий. В этом памфлете по отношению к Бриссо был выдвинут ряд необоснованных обвинений, которые легко опровергаются. Противники Демулена так и делали. Но в данном случае пафос выступления Камилля совпал с настроением французского народа. Это было исключительно точное попадание. Памфлет «Разоблаченный Бриссо» произвел ошеломляющее впечатление на читателей.

Обращаясь к Бриссо, Демулен напомнил ему, что с первых лет революции состоял на службе демократии и боролся своим пером за свободу всех французов. «Господин Бриссо, — писал Демулен, — я сорву с вас маску, но я не хочу казаться раздражительным и отвечать оскорблением на оскорбление. Я выскажу вам лишь несколько истин. Вы, который постоянно твердит о патриотизме, чтобы иметь возможность клеветать на патриотов, вы сами даете обильную пищу против себя... Все ваше поведение, господин Бриссо, в последнее время показывает, что из всех революционных писателей вы были самым недобросовестным, настоящим Тартюфом патриотизма и предателем родины, который, следуя определению Демосфена, не думает о том, что он говорит...»⁴⁵ Да, Бриссо считал, что революция уже дала достаточно народу. Он боялся господства улицы, выступлений против собственности.

Вслед за этой работой Демулен написал брошюру «Фрагмент тайной истории Революции, или История бриссотинцев»⁴⁶. Эти два памфлета внесли свою лепту в борьбу против жирондистов. Могут заметить, что он начал стрельбу по своим, что неожиданным было столь резкое выступление против своего бывшего соратника по борьбе. Трудно согласиться с оценкой Г.Бабефа, заметившего по поводу последнего памфлета, что Демулен «в чересчур легкомысленном тоне пишет об этих людях»⁴⁷. Быть может, по стилю это так, но по содержанию это достаточно серьезная работа. Возможно, на оценку Бабефа повлияло то, что он определенное время относился к Бриссо позитивно, учитывая его республиканские позиции во время [Вареннского кризиса](#)⁴⁸. Правда, позднее Бабеф изменил свое мнение, назвав Бриссо «первым мошенником Старого и Нового Света»⁴⁹.

Впрочем, справедливости ради, отметим, что в целом Бабеф положительно относился к Демулену. И даже когда критиковал его, делал это искренне и уважительно. Бабеф точно подметил некоторые слабости Демулена: «Камиль умел красиво излагать неверные суждения. Ум его шел кривыми путями, хотя душа была пряма... Он охотно приносил здравый смысл в жертву трем страстям, которые владели им, когда он писал. Одна его страсть была выглядеть лучшим из патриотов, каким он и был в действительности; другая казаться кладезем эрудиции и памяти; третья — вставлять не менее четырех каламбуров в каждую фразу. Но, несмотря на эти крайности, свойственные молодости, в том, что он писал, можно было найти м н о ж е с т в о п о л е з н ы х и с т и н (разрядка моя. — Ю.П.), потому что намерения его были совершенно чисты»⁵⁰.

Августовские события 1792 г. захватили Демулена целиком. В эти дни он был повсюду с [Дантоном](#). Камиль признавался Люсиль: «Я в революции по горло. Как была бы ты рада, если бы видела меня сегодня в кавалькаде муниципалитета! Я впервые исполнял общественную роль. Я чувствовал себя гордым, как Дон-Кихот... Я испугал рантье в муниципальном совете несколькими словами, произнесенными вчера с трибуны. Верхом, среди трехтысячной национальной гвардии и 20 пушек, я сегодня целый день провозглашал: «Отечество в опасности!»

Демулен как бы вновь переживает события первого года революции. Вновь он в центре истории. Опасности, трудности — все это его не волновало, когда возникала возможность активной деятельности на виду у всех. Люсиль Демулен [писала в дневнике в эти дни](#): «Что будет с нами? О, мой бедный Камиль, что будет с тобой? Мы хотим быть свободными, но, боже, как дорого это стоит!» После падения монархии в жизни Демулена происходят важные изменения. Его друг Дантон становится министром, а сам Демулен назначается одним из его секретарей, о чем он незамедлительно сообщает отцу: «Несмотря на все Ваши предсказания, что из меня никогда ничего не выйдет, я достиг высшей ступени, до которой может дойти человек нашего социального положения».

Но и возвышение сына не польстило самолюбию отца. Старик со все усиливающейся тревогой следил за его политической карьерой. Взгляд старшего Демулена на происходившие события поражает трезвой пронизательностью и четким анализом. В письмах он предостерегает сына от духа партийности и сектантства, губительного как для него самого, так и для общего дела. Предупреждает, что политический кризис не закончился с падением монархии, что в лагере победителей вскоре возникнут раздоры и вражда.

С начала работы Конвента началась новая эпоха в политической деятельности Демулена. Он был избран в Конвент 465 голосами из 677 голосующих. Всего было избрано 749 депутатов, 160 из которых представляли Жиронду, а 140 — монтаньяры. Первым актом Конвента было провозглашение республики.

К.Демулену в эти дни все казалось возможным. Но действительность вскоре опрокинула все его расчеты. Согласие между **жирондистами** и монтаньярами могло быть лишь временным. Уже в ходе выборов в Конвент жирондисты делали все возможное, чтобы дискредитировать якобинцев. Они пока еще были законодателями и творцами общественного мнения. Особенно большим влиянием жирондисты пользовались в провинции, где до выборов в Конвент еще плохо различали эти две политические партии, казалось бы вместе боровшиеся против общих врагов Франции. А как же на самом деле поступали жирондисты?

Хорошо зная, что Робеспьер, Марат, Дантон не были приверженцами «аграрного закона», жирондисты не стеснялись в выражениях, изображая их как сторонников этого закона. Когда в Париже в сентябре 1792 г. из королевской кладовой исчезло много ценных вещей, жирондисты устами мадам Ролан прямо обвинили в этой краже Дантона. Жирондист Барбару в своем кругу вспоминал, как он представлял марсельцам Робеспьера: «Я обрисовал им его как жадного до мести, господства и крови. Я рассказал о его попытках установить диктатуру». Жирондисты возложили на якобинцев всю ответственность за сентябрьские убийства, хотя их газета «Курьер 83 департаментов» писала 5 сентября об ужасном, но «неизбежном правосудии народа, вызванном заговором врагов во время войны...».

Легенду об «организации убийств» впервые пустила в обращение **мадам Ролан**, которая писала: «Дантон ведет свое дело. Робеспьер его орудие. Марат вооружен факелом и кинжалом. Этот свирепый трибун царствует здесь, и мы все пол его гнетом. Пока мы еще не стали его жертвами. Мы все следим за Робеспьера и Марата»⁵¹. Со временем жирондисты превратили эту легенду в орудие политической борьбы против якобинцев. Термидорянцы называли якобинцев «сентябристами». Немало контрреволюционных легенд вокруг сентябрьских дней создали и роялисты⁵².

Пропагандистская деятельность жирондистов привела к тому, что вся Франция крупных и средних собственников объединилась вокруг их партии. Якобинцы в основном получили поддержку в Париже. Сильнее всего жирондисты опасались все более возраставшего влияния демократических сил и дальнейшего развития революции, угрожавшего их интересам и положению. Консервативная политика сдерживания революции без учета ее наступательного характера неизбежно вела жирондистов в пропасть контрреволюции и к политической гибели. Марат первый открыто заявил о тайных мотивах ненависти жирондистов к санкюлотам: «Вы хотите республики только для богатых».

В этих условиях Демулен пытался наряду с занятостью в Конвенте возобновить издание газеты «Революции Франции и Брабанта». Просуществовала она всего два месяца: октябрь и декабрь 1792 г. В этих номерах он изложил свою точку зрения на судьбу короля, решительно выступая за казнь бывшего монарха. «Людовик XVI должен умереть, — писал он в своей газете, — потому что должна жить родина... Я требую, чтобы Конвент объявил его предателем нации, преступником человечества»⁵³.

Один из первых биографов К.Демулена — Кларетти объяснял такое отношение к королю излишним самолюбием журналиста. По его мнению, Демулен, лишенный ораторских способностей, хотел это компенсировать резкостью и крайностью своих взглядов. Такое обвинение не имеет под собой реальной почвы. Нет ничего более нелепого, как объявить Демулена чуть ли не приверженцем монархии. С самого начала революции он являлся сторонником республиканских принципов. Для него вопрос о необходимости казни короля был ясным. Правда, отец в письме к сыну советовал не голосовать при вынесении приговора монарху: «Как его обличитель, ты не можешь быть судьей, не оскорбляя чувства беспристрастности... Ты достаточно заслужил благодарность отечества при учреждении республики и уничтожении монархии. Смерть Людовика XVI ничего не прибавит к твоей славе и может даже омрачить ее в изменчивом мнении массы».

Письмо это, видимо, не произвело должного впечатления на Демулена. Когда пришел час его голосования, Демулен сказал: «Я подаю голос за смертную казнь».

Позиция К. Демулена по этому вопросу во многом была тождественна взглядам Робеспьера. Правда, в отличие от Робеспьера Демулен не увязывал вопрос о казни короля с будущим Республики. Так далеко он никогда не заглядывал. Но свой вклад в борьбу против жирондистов он внес. Жирондисты пытались увести в сторону вопрос о виновности Людовика XVI, выдвинув поистине «соломоново» положение: «Короля, как и всякого другого гражданина, можно судить только на основании положительного закона, существовавшего ко времени совершения его преступлений». Итак, преступления все же были, но наказывать нельзя. Почему? Оказывается, в уголовном кодексе нет такого закона вообще. А в конституции соответствующая статья гласит: «Особа короля священна и неприкосновенна». Какой же отсюда вывод? А вот какой: «Людовик XVI может пасть только под мечом закона, — говорили жирондисты, — но его нет, следовательно, короля ни судить, ни тем более наказать нельзя!»

Надо было продраться сквозь частокол фраз и слов, чтобы докопаться до истины. Сен-Жюст, выступая в Конвенте, четко выразил мысли якобинцев: «Какую республику вы хотите учредить среди нашей борьбы и общей слабости?.. Каков будет характер процесса над королем, такова будет и ваша республика». Через некоторое время Робеспьер своей речью в Конвенте нанес смертельный удар по стратегии и тактике Жиронды. Судьба Людовика XVI была фактически решена. 21 января 1793 г. на площади Революции в 10 часов 15 минут бывший монарх был гильотинирован. «Революционная Франция швырнула к подножиям европейских тронов голову казненного короля»⁵⁴.

Борьба с бриссотинцами, которую Демулен вел вместе с якобинцами, требовала немало времени и усилий. Процесс над королем многим раскрыл глаза на политику жирондистов, популярность которых после этого настолько упала, что их правительство вынуждено было уйти в отставку. Жирондисты скомпрометировали себя и внутренней политикой, пытаясь все издержки войны и тяжелого экономического положения переложить на плечи народа, не затрагивая интересов буржуазии. Что касается внешней политики, то и здесь, идя с легким сердцем навстречу войне, они оказались совершенно неспособными организовать национальную оборону.

Вся суть состояла в том, что жирондисты в основном были озабочены ведением фракционной борьбы с якобинцами, защищая свою прежнюю антидемократическую политику. Измена Дюмурье свидетельствовала о том, что жирондисты стали контрреволюционной партией. В апреле 1793 г. они добились предания Марата суду трибунала. Но триумфальное оправдание знаменитого журналиста вновь означало очередное поражение жирондистов. И тогда они встали на путь развязывания гражданской войны в Лионе, Тулоне и Марселе, что ускорило их политическую смерть.

Восстание 31 мая — 2 июня 1793 г. завершило борьбу Горы и Жиронды. Власть перешла в руки якобинского блока. Жиронда превратилась в смертельную опасность для революционной Франции. Верным средством спасти страну в 1793 г. было спасение революции, а жирондисты губили ее. Они должны были исчезнуть, и они сошли с политической сцены.

Демулен был в числе тех, кто верил в существование заговора жирондистов и принимал активное участие в его разоблачении. Правда, как всегда, он несколько преувеличивал свою роль. Последующие события потребовали иного мужества и ясного понимания политики якобинского правительства, пришедшего к власти в самый критический момент в жизни республики. Реальная опасность интервенции, контрреволюционные мятежи на большей части страны, тяжелое экономическое положение. Словом, республика задыхалась. Робеспьер в эти дни так сформулировал задачи революции: «Нужна единая воля... Внутренние опасности исходят от буржуазии; чтобы победить буржуазию, надо объединить народ... надо, чтобы народ объединился с Конвентом, а Конвент соединился с народом»⁵⁵.

Но для этого необходимо было довести до конца борьбу с жирондистами. Требовалось вырвать из-под ног Жиронды почву и прежде всего дать стране единую политическую основу в виде новой демократической конституции. Якобинский Конвент решил эту первоочередную задачу в две недели, торжественно утвердив ее окончательный текст. Конституция была одобрена подавляющим большинством населения Франции. За нее голосовали и в департаментах, находившихся под влиянием жирондистов.

Конвент, привлекая на свою сторону крестьянство, принял решение о разделе и порядке продажи эмигрантских земель и установил порядок раздела этих земель. Последующим декретом была провозглашена полная и окончательная ликвидация всех феодальных прав в деревне. С революционной смелостью, смотря опасности в глаза, Конвент нанес смертельный удар феодализму в деревне, расчищая почву для капиталистического развития в сельском хозяйстве. В.И. Ленин отмечал: «Ссылаются постоянно на героический патриотизм и чудеса военной доблести французов а 1792–1793 годах. Но забывают о материальных, историко-экономических условиях, которые только и сделали эти чудеса возможными.. Действительно революционная расправа с отжившим феодализмом, переход всей страны, и притом с

быстротой, решительностью, энергией, беззаветностью поистине революционно-демократическими, к более высокому способу производства, к свободному крестьянскому землевладению — вот те материальные, экономические условия, которые с «чудесной» быстротой спасли Францию, переродив, обновив ее хозяйственную основу»⁵⁶.

Чтобы действовать должным образом, нужны были люди с революционной смелостью, твердостью и мужеством. Колебания и слабость, проявленные Дантоном и другими членами Комитета общественного спасения, заставили якобинцев обновить его состав. Ради истины необходимо отметить, что Дантон сам заявил о своем нежелании быть переизбранным. Многие выступали за то, чтобы Дантон оставался в Комитете. На заседании Конвента один из его членов воскликнул: «У Дантона ум революционера; он должен войти в Комитет общественного спасения!» Но Дантон заупрямился в своем отказе. Причин этому называют много. Дантон, решив отойти в сторону от всех дел, полагал в первую очередь восстановить свою революционную репутацию. Пусть другие берут на себя серьезные обязательства и наконец-то выйдут из святилища. А когда придет час, когда революция будет в нем нуждаться, тогда он снова вмешается, снова бросится в бой и принесет мир революционной Франции, а вместе с ним более свободный и более человеческий порядок. Вроде бы все логично. Но если взглянуть глубже, легко увидеть серьезные изъяны, которые потом отразились и на судьбе Дантона и на судьбах его сторонников, в том числе Демулена.

Прежде всего Дантон, при всем его огромном уме, напрочь забыл, что такой человек, как он, не может быть вне власти и вне ответственности. Не входя ни в какие органы революционной власти, он уже этим определял свое политическое лицо и нес ответственность еще в большей степени, чем за участие в правительстве. Не говоря уже о том, что его самоустранение с политической сцены давало возможность врагам использовать в своих целях имя Дантона. И еще одно. Дантон думал, что ему отпущено много времени. Но его-то как раз и не было. Это величайшее заблуждение, когда считают так. В революции минуты стоят веков, а события сжигают и могут в один день уничтожить самые прочные авторитеты. Ж.Лефевр пишет об отказе Дантона вступить в Комитет общественного спасения: «Вопрос был в том... не сыграет ли Дантон на руку экстремистам... Ответ не вызвал сомнений. По меньшей мере он совершил грубую ошибку»⁵⁷.

Членами **нового Комитета общественного спасения** стали Сен-жюст, Кутон, Робеспьер и другие. Энергия, твердость и мужество при осуществлении тех или иных мероприятий, проявленные этим комитетом, дали ему право называться «Великим Комитетом общественного спасения».

В таких условиях растерялся Демулен, Для него, как и для Дантона, время революционных дерзаний осталось позади. По мере приближения судебного процесса над жирондистами отношение Демулена к подсудимым менялось. Все это произошло не без влияния Дантона, давно уже протягивавшего дружественную руку жирондистам. К. Маркс справедливо отмечал, что Дантон, «несмотря на то, что находился на вершине Горы... до известной степени был вождем Болота»⁵⁹. Другими словами, как правильно и метко было сказано, Дантон «оставался якобинцем среди жирондистов и жирондистом среди якобинцев»⁵⁹.

Лето 1793 г. положило водораздел между Робеспьером, с одной стороны, и Дантоном и Демуленом — с другой. Демулен испугался решительных мер Конвента. Теперь он отказывался от звания «генерального прокурора фонаря» и от роли «верховного карателя». Как будто бы можно продолжать революцию без борьбы с отмирающим. Такой революции еще не придумали. Демулен оценивал действия Комитета общественного спасения как проявление одностороннего фанатизма. Он все больше погружался в мрачное настроение. В августе 1793 г. он писал отцу: «Радости жизни так перемешаны с бедствиями, а в последние годы столько зла разливается вокруг меня, что, кажется, скоро настанет и мой черед идти ко дну».

Даже слава и популярность, к которым он так стремился, потеряли для него притягательную силу. Более того, он теперь тяготился ими. В том же письме Камиль восклицает: «О, если бы я мог быть неизвестным! Где то убежище, то подземелье, которые могли бы укрыть меня с женой, с сыном, с моими книгами. Я не могу забыть, что эти люди, которых убивают тысячами, имеют детей, отцов... Есть минуты, когда я готов идти навстречу смерти, чтобы избежать зрелища стольких бедствий и... революции... в которой я вижу только честолобие и алчность». Произнеся эти слова, Демулен, спохватившись, спешит загладить произведенное впечатление. «Правда, — замечает он, — свобода печати — великое благо. Ей мы обязаны революцией... Настоящее положение вещей несравненно лучше, чем четыре года назад, потому что есть надежда на улучшение, надежда, отсутствующая при деспотизме...»

Якобинцы первыми поставили на повестку дня вопрос о терроре, но это была вынужденная мера. Буржуазные историки пытаются утверждать, что жирондисты были якобы чрезвычайно гуманны в противовес фанатикам-якобинцам. Но именно жирондисты еще в сентябре 1792 г. требовали гильотины для якобинцев, высказывая мысль о том, что необходимо убивать врагов свободы. М. Инар, один из лидеров Жиронды, «представитель головорезов Юга», как его называл Г.Бабеф, угрожал, что на «берегах Сены будут искать место, где существовал Париж». Ему же принадлежат слова: «По отношению к политической свободе простить преступление — значит почти участвовать в нем. Подобная строгость приведет, быть может, к пролитию крови, это я знаю, но если вы не прибегнете к ней, то не будет ли пролито еще больше? Не будет ли гражданская война еще большим бедствием? Надо отрезать пораженную гангреной часть, чтобы спасти все тело... Под словом «ответственность» мы подразумеваем смерть».

Кажется, яснее не скажешь. Все четко и понятно. Чем же, спрашивается, отличались эти слова от того, что требовали Марат и Робеспьер? Тем, что Инар и его друзья требовали смерти для «анархистов» и «дезорганизаторов», т. е. для санкюлотов, а Марат и Робеспьер — для врагов народа, для роялистов, заговорщиков, контрреволюционеров. Не случайно некоторые исследователи обходят стороной тот факт, что Конвент в конце концов заставили издать «закон о подозрительных» действиях народных масс и их требование ввести террор, чтобы спасти революцию. Только с введением чрезвычайных мер революция смогла организовать, сразаться и победить.

Вот чего не мог понять Демулен. Отсюда трагический разлом души, отсюда видимая надсадность и какая-то щемящая обнаженность мысли, по-детски наивной и часто по-детски жестокой по отношению к другим. Было бы неверным утверждать, что Демулен не изменился вообще за годы революции. Нет, он эволюционировал. Несмотря на то что он не всегда успевал за революционными переменами, революция наложила свой отпечаток на Демулена. Он стал гораздо серьезнее и глубже в своих статьях, по-иному смотрел на многие события. Это несомненно. Но несомненно и то, что для многих он оставался все тем же Демуленом 89-го года, который призывал народ к штурму Бастилии и был запечатлен О.Домье в его известной картине «К.Демулен произносит речь в Пале-Рояле». Другого Демулена они и знать не хотели, что Камиль создавал. На этом держалась его популярность. А ради этого он мог пойти на многое, что и показали дальнейшие события.

Не желая мириться с пассивной ролью, Демулен решает вновь издавать свою газету, претендуя на роль адвоката в споре двух противоположных сторон. Он убеждал прежде всего себя в том, что сила его печатного слова не утратила власти над толпой. Ведь это он заставил народ совершить революцию и привел его к республике. Камиль называл себя и своих друзей «инженерами и механиками этого прекрасного движения». Он не раз говорил, что после его «прокурорских речей непременно кого-нибудь вздергивали на фонарь». И при этом Демулен не забывал каждый раз жаловаться на положение дел в республике. Как будто были две республики: одна воображаемая, идеальная, другая — живая со всеми своими сильными и слабыми сторонами, со своими страстями, страданиями, победами и поражениями, жертвами и спасенными.

5 декабря 1793 г. в Париже появился первый номер газеты «Старый кордельер» с эпиграфом: «Жить свободными или умереть!». В номере содержалась информация о последнем заседании Якобинского клуба. Газета предупреждала об опасности для Франции, исходящей от европейских стран, особенно Англии, самого главного врага французской революции.

Демулен предпринял попытку установить либо союз между Робеспьером и Дантоном, либо найти какую-нибудь форму соглашения между ними. Это сейчас, отмечал Демулен, особенно важно, так как число врагов растет и они переходят в наступление. В то же время никаких точек сближения он не предлагал. И это не случайно: он их просто не видел. Робеспьеру на этот раз удалось убедить Демулена не выступать против Комитета общественного спасения.

Заметно влияние Робеспьера и на второй номер газеты. Он содержал резкие нападки на [Клоотса](#), ответственного за движение дехристианизации. К нему Демулен еще присоединил [Шометта](#). Основной же пафос этого выпуска он обрушил на Эбера, представлявшего в это время главную опасность для якобинцев, от которых он стал отделяться с конца 1793 г., расходясь с ними по кардинальному вопросу — об отношении к революционному правительству. Все затруднения революции [Эбер](#) и его газета «Папаша Дюшен» предлагали разрешить с помощью «святой гильотины». Они настаивали на коренной реформе революционного правосудия. Резко обличая растущую спекуляцию, Эбер на одну доску ставил крупных оптовиков и уличных продавцов зелени, требуя гильотины для тех и других. Являясь одним из

наиболее горячих сторонников «Культы Разума», яростно выступал против церкви и священников. Его атаки против революционного правительства лили воду на мельницу врагов революции, а выступления против «снисходительных», т. е. против Дантона и Демулена, фактически на этом этапе означали борьбу против Робеспьера и Комитета общественного спасения. Вот почему против Эбера и эбертистов направил свой основной удар Демулен вторым номером своей газеты «Старый кордельер».

Демулен, подстрекаемый Дантоном, лишил своими писаниями Робеспьера возможности, не прибегая к насилию, постепенно оттеснить и устранить эбертистов, чтобы на широкой демократической основе сделать возможным осуществление принципов конституции. Но объявление беспощадной войны Эберу вынудило и Робеспьера менять тактику на ходу. Своими действиями и методами борьбы дантонисты в точности повторяли провалившуюся игру Жиронды. На вооружение была взята и тактика жирондистских газет.

Рисуя обстановку в стране, Демулен, как всегда, часто совершает экскурсы в древнюю историю, историю Рима и Греции, пытаясь события тех давних времен сопоставить с тем, что происходило во Франции в конце XVIII в. Создав себе представление об идеальной республике, Демулен заслонился от действительности, что в конечном счете сыграло роковую роль в его судьбе.

Номер пользовался большим спросом и имел огромный успех. Газета разошлась тиражом в 65 тысяч экземпляров, но ее продолжали спрашивать. То тут, то там можно было слышать: «Читали ли вы «Старый кордельер»?» Все с нетерпением ждали последующих номеров газеты Демулена. Современники догадывались, что за спиной редактора стоит Дантон. Хорошо было известно и то, что Демулен был связан дружбой с Робеспьером. И многим тогда казалось, что газета будет способствовать объединению Дантона с Робеспьером. Но было слишком поздно. Слишком толстой была накипь, чтобы ее можно было уничтожить за один раз. Все было другим. А главное — революция вступила в завершающую фазу.

Тучи начали сгущаться над Демуленом. Через три дня после выхода второго номера газеты «Старый кордельер» в Якобинском клубе на вечернем заседании от Камилля потребовали уточнить его отношение к Диллону, которого он взял под защиту. Еще в июле 1793 г. на заседании Конвента было сообщено о раскрытии роялистского заговора, во главе которого стоял генерал Диллон, уже арестованный и допрошенный. Все было ясно. И вдруг Демулен бросился опровергать очевидное. «Нет ничего нелепее этой басни!» — восклицал он. Выступление его провалилось, и Камилль, униженный и чуть ли не освистанный, понуро покидал в этот день зал заседаний.

Инкриминировали ему и речь в зале Революционного трибунала во время процесса над жирондистами, когда он говорил о них как об истинных республиканцах. Демулен пытался оправдаться, но не убедительно и без блеска, присущего его писаниям. Его обвиняли и в том, что он неразборчив в выборе друзей. Робеспьер в очередной раз преподавал всем урок дипломатии. «Надо принимать Демулена со всеми его добродетелями и слабостями, — сказал Робеспьер. — Да, он имел последовательно среди друзей Ламетта, Мирабо, Диллона. Но он находил в себе силу порвать с этими людьми, проявив смелость и настоящий республиканский дух! Несмотря на все превратности судьбы, К. Демулен всегда боролся за свободу. Пусть он продолжает свою деятельность, пусть избавится от непостоянства и постарается больше не ошибаться в людях, которые играют важную роль на политической арене». В конечном счете Демулен был в этот раз оправдан.

Но данный урок не пошел ему впрок. Еще звучали слова в Якобинском клубе, еще кипели страсти вокруг Демулена, а в типографии набирался третий номер «Старого кордельера», который появился в Париже 15 декабря 1793 г. Многие этот номер называли «шедевром смелости, мысли и стиля». В нем Демулен ставил под сомнение всю систему террора и само революционное правительство. Никого не могли обмануть ссылки на времена римских императоров и обильное цитирование Тацита.

Под масками императоров-деспотов Августа, Тиберия, Калигуллы рельефно выступали портреты современных политических деятелей. А жертвы эпохи Нерона наводили на мысль о жертвах террора при якобинском Конвенте. И хотя Демулен предупредил читателей о том, что этот номер только буквальный перевод из Тацита, все хорошо поняли настоящий смысл и направленность статей журналиста. Уже начало повествования Тацита настраивало на определенный лад: «Я приступаю к рассказу о временах, исполненных несчастий, изобилующих жестокими битвами, смутами и распрями, о временах, диких и неистовых даже в мирную пору».

Обращаясь к истории, Демулен превращает ее в оружие политической борьбы. Он подробно изображает террористические приемы древнеримских императоров, опираясь на исторический материал «Анналов» Тацита. По мнению Демулена, Революционный трибунал не лучше самых самовластных цезарей. Так можно было понять пространные рассуждения о «подозрительных» в Древнем Риме: «Во времена Нерона многие люди, чьи близкие были осуждены на смерть, отправлялись возблагодарить за это богов: они зажигали огонь. Во что бы то ни стало надо было иметь довольный вид, открытое и спокойное лицо. Люди боялись, что им могли поставить в вину самый страх... Все дрожали перед тираном. Все возбуждало подозрительность тирана. Был гражданин популярен, он — подозрителен. Если, наоборот, избегал популярности и оставался дома, то факт уединения привлекал к себе внимание и внушал уважение. Он подозрителен. Если вы богаты, значит существует опасность подкупа народа своей щедростью. Подозрителен. Если вы были бедны, непобедимому императору следует пристально наблюдать за этим человеком, так как самый предприимчивый тот, у кого ничего нет, меланхоличный — вы подозрительны... Добрый или злой нрав, подозрителен. За мир или за войну. Подозрителен... Подозрителен... Подозрителен...»⁶⁰

Говоря о терроре в эпоху императорского Рима, Демулен хорошо знал, что в данном случае все это проецируется на время революции, бросая тень на республику. А критикуя закон о подозрительных, он прямо метил в Комитет общественного спасения. Когда некоторые историки пытаются в третьем номере газеты Демулена видеть только попытку свободной интерпретации сочинения Тацита, это вызывает недоумение. Такой подход все упрощает. На самом деле здесь прямая атака против правительства. Демулен словно не видел или не хотел видеть, что революционная Франция боролась не за тиранию одного человека, но за свободу всех. Справедливо Робеспьер заметил Демулену, что аристократы никогда не стали бы раскупать Тацита, как они раскупили отрывки из него, умело подобранные Камилем.

Не случайно все отмечали, что этот номер газеты породил надежды у контрреволюционеров. Л.Блан отмечал: «Все враги восторженно встретили третий номер «Старого кордельера», все старались увериться, что Демулен описал в нем историю своего времени». Ж.Жорес очень точно подметил: «Нож Демулена был отточен с несравненным искусством, но он вонзал его в сердце Революции. Ему было также нетрудно растрогать картиной умиротворенной, человеческой и благородной свободы»⁶¹.

Публикация этого номера вызвала глубокий интерес. Экземпляры газеты вырывали друг у друга из рук. Читали вслух в кафе. Тираж был значительно увеличен, но типография не могла удовлетворить желание многих в столице и в провинции иметь этот номер газеты. Народные общества организовали читку газеты с трибуны и с гневом комментировали каждый абзац. Отрицательную оценку дали кордельеры. Был недоволен Комитет общественного спасения. Сам Робеспьер, несмотря на похвалы в его адрес в этом номере, был обеспокоен общим направлением газеты. Еще один чрезвычайно важный момент. Филиппо, как и Демулен, из ближайшего окружения Дантона, только что вернулся из Вандеи, куда был направлен для изучения положения дел. Он был в бешенстве от бездействия друзей Эбера, которых обвинял в предательстве. Весь свой гнев и пафос разоблачения он перенес в печать, публикуя серию писем. Досталось в них и Комитету общественного спасения. И Демулен уделил им должное внимание в своей газете, что также не могло пройти бесследно.

В такой предгрозовой обстановке в конце декабря 1793 г. появился четвертый номер газеты «Старый кордельер», который аристократы читали со слезами прямо на улице. Призыв к милосердию находил сочувственный отклик у врагов революции. Демулен доказывал бесполезность террора даже как временной меры. Увлеченный собственным красноречием, он писал: «Думают, что свобода, подобно детскому возрасту, должна пройти через крики и слезы, прежде чем достигнуть зрелого возраста... свобода не знает ни детства, ни старости. Неужели свобода — пустое слово?... Неужели она олицетворяется оперной актрисой в красном колпаке или статуей в 46 футов высоты, которую предлагает Давид?... Нет, свобода... это счастье, это разум, это равенство, справедливость, это Декларация прав, это великая Конституция... Хотите ли вы, чтобы я признал ее, припал к ее ногам, пролил ради нее всю кровь? Откройте тюрьмы тем 200 тысяч граждан, которых вы называете подозрительными... И не думайте, что эта мера будет гибельна для республики. Напротив, она будет самой революционной из всех ваших мер. Вы хотите истребить всех ваших врагов гильотиной! Но разве это не безумие? Можете ли вы казнить хоть одного человека, не приобретя себе десятка врагов из числа его родственников или друзей»⁶².

Демулен выступил с предложением учредить «Комитет милосердия», противопоставляя его комитетам общественного спасения и общественной безопасности. При этом он обращался за поддержкой к Робеспьеру: «О, мой дорогой Робеспьер!.. О, мой старый товарищ!.. Вспомни уроки истории и философии, гласящие, что любовь сильнее и прочнее чувства страха...»

Современники отмечали, что многие были удивлены и поражены смелостью автора, решившегося в такое время призывать к милосердию и говорить о снисхождении. Одновременно очень многие поняли, куда метит Демулен. Сент-Бёв писал, что те, кто находился в тюрьмах в декабре–январе 1793–1794 гг., часто потом вспоминали после своего возвращения о том, какое впечатление на них произвели номера газеты Демулена. Похвалы, которые со всех сторон раздавались в адрес «Старого кордельера», льстили самолюбию Демулена. Льстили и убаюкивали. Создавали иллюзию, что он по-прежнему в строю, по-прежнему нужен. Нужен?! Но кому? Вот здесь-то и выясняется, кому были так необходимы экземпляры газет Демулена. [Эро де Сешаль](#) правильно заметил, что успех «Старого кордельера» ввел сторонников Дантона в заблуждение. До народа газета не доходила, у нее был особый читатель. В плебейских массах издание Демулена заслужило прозвище «состарившегося кордельера». Дорогие номера газеты покупали в основном аристократы. Робеспьер предупреждал Демулена, что следование по тому пути, которого придерживается Камиль, до добра не доведет. «Твой вредоносный памфлет, — говорил Робеспьер, — сеет всюду во Франции раздоры. Ты расточаешь свое остроумие на то, чтобы подрывать доверие к людям, которые необходимы Республике. Всякого рода реакционеры в борьбе против Свободы прибегают к помощи твоих сарказмов... Жалость к палачам становится жестокостью по отношению к жертвам... один день снисходительности обойдется нам в тридцать лет гражданской войны»⁶³.

Запомним эти предостерегающие слова М.Робеспьера. Ведь по правде говоря, демуленовский «Старый кордельер» превратился в публичную трибуну дантонистов, в орган пропаганды политики торможения революции. Не случайно, что дантонистов поддерживала новая хищническая спекулятивная буржуазия, видя в них основную опору. Их желания совпадали с желанием дантонистов насладиться плодами революции. Именно это имел в виду Робеспьер, когда предупреждал Демулена, что, злоупотребляя словами Счастье, Свобода, Добродетель, тем самым «возбуждают в сердцах негодяев желание того преступного благоденствия, которое состоит в забвении других людей и в наслаждении излишествами».

Эту тенденцию уловил не только Робеспьер. Контрреволюционный душок газеты почувствовали и члены Якобинского клуба. 21 декабря 1793 г. Темный вечер. Идет холодный дождь. Близится зима. В такое время лучше сидеть дома возле камина. Но в Клубе якобинцев собралось много людей. Представлены все районные общества. В ожидании начала заседания разговоры вращались вокруг номеров «Старого кордельера», и особенно последнего, четвертого. Слышатся обвинения в адрес Демулена, говорят о его контрреволюционной деятельности. В принципе вопроса о Демулене в этот вечер не было. Но, обсудив сообщения [Колло д'Эрбуа](#) и Левассера о поездке на юг, один из присутствующих просит слова, получает его и начинает говорить, обвиняя Демулена в аристократизме. «Я обвиняю его, — подчеркивает оратор, — в том, что он способствовал появлению памфлета с преступными и контрреволюционными намерениями... К. Демулен уже давно близок к гильотине и чтобы это доказать вам, вот его писание, которое говорит против него...»

Сразу же на трибуне оказался Эбер, решивший публично рассчитаться за все с Демуленом, используя предоставившийся случай. Отметив его заслуги в начале революции, Эбер затем выдвинул в адрес Демулена ряд обвинений. Это и женитьба на богатой невесте, и его связи с аристократами, чьей поддержкой он якобы активно пользовался. Демулен, продолжал свое разоблачение Эбер, использовал свое перо во вред патриотам. Он осмелился критиковать Бушотта, военного министра, который будто бы находится под влиянием Питта.

Эбер полагал, что, атакуя Демулена и других, он тем самым может обезопасить себя и своих сторонников. Он думал, что Робеспьер в этих условиях не сможет их поддержать. Тем более вряд ли на это осмелится Дантон. Поэтому он предложил исключить Демулена из членов клуба. Демулен должен был давать ответ на следующий день. Эбер осыпал его различными обвинениями, не стесняясь в выражениях. «Ренегат», «негодяй», «низкий интриган», кричал Эбер. Взвинчивая себя, он взвинчивал и других. Демулен растерялся и речь скомкал. Более подробно он ответил со страниц пятого номера «Старого кордельера». Анатомируя прошлое своего противника и обнажая его сегодняшнюю сущность, впрочем, в пылу полемики не всегда заботясь об истине, Демулен писал: «Или ты не знаешь, Эбер, что когда тираны Европы хотят унижить Республику, когда хотят уверить своих рабов в том, что Франция окутана мраком варварства, а Париж... населен вандалами, — не знаешь ли ты, несчастный, что они в своих газетах приводят отрывки из твоих грязных листков? И такой вот «патриот» является

клеветником ветеранов... законодателем общественного мнения, ментором французского народа! О, времена! О, нравы! О, свобода печати, последнее прибежище народов, что с тобой сталось?..»⁶⁴

В пылу полемики Демулен, выступая против Эбера на страницах своей газеты, попутно задел и революционное правительство, при этом обратился за примерами к античности: «Катон и Брут постоянно повторяли: «Анархия, предоставляя власть всем, приводит к господству над людьми одного человека». Вот что страшит меня — уничтожение Республики или ее дробление»⁶⁵.

Полемика в печати, полемические выступления в Якобинском клубе отвлекали внимание от более важных проблем, которые стояли на повестке дня и требовали незамедлительного решения. Эта словесная война в конце концов лила воду на мельницу врагов революции. Сен-Жюст точно выразил позицию Комитета общественного спасения, когда писал 26 февраля 1794 г.: «В последнее время меньше занимались победами Республики, чем некоторыми памфлетами. Общественное мнение отвлекают от самых дельных советов, а французский народ — от его славы, чтобы занять его полемическими раздорами. Так Рим времен своего упадка, Рим выродившийся, забыв о своих доблестях, отправлялся в цирк смотреть на бой с дикими зверями».

Эбер попытался использовать обвинения против друзей Дантона. Осуществление этого плана было облегчено разбирательством дела о ликвидации Ост-Индской компании, в котором были замешаны сторонники Дантона. Эбер, метя в Дантона, на самом деле бил по Робеспьеру и по Комитету общественного спасения. Не случайно Робеспьер в одной из бесед обронил фразу, полную смысла: «Где нет закона, наступает царство Эберов». В конечном счете Эбер попытался со своими сторонниками открыто выступить против правительства, рассчитывая на поддержку Коммуны и парижских секций, но те отказались примкнуть к эбертистам. Последовали аресты, и 24 марта 1794 г. Эбер, Ронсен, Венсан и другие были казнены.

В своей борьбе с ультралевыми якобинцы не сумели рассмотреть то справедливое, что было в их программе. Не сумели за отдельными лидерами разглядеть санкюлотов. Изолируясь от них, якобинцы подставляли себя под удар правых.

Все эти события должны были бы насторожить дантонистов. Но Дантон был настолько уверен в своей неуязвимости, что, глядя на него, и другие рассчитывали на безнаказанность. Демулен, еще не оправдавшись за четвертый номер «Старого кордельера», выпустил очередной как раз тогда, когда в Конвенте против него выступал Барер. «Монитор», сообщая об этом заседании Конвента, сопроводил отчет таким комментарием: «К. Демулен в газете, выходящей под названием «Старый кордельер», с жаром обрушился против арестов подозрительных. Удивительно, как этот представитель народа стал вдруг таким снисходительным к врагам свободы... как будто бы больше не существует контрреволюционеров... его отрывки из переводов Тацита, тирании Цезарей невольно заставляют проводить параллели с предупредительными мерами по аресту подозрительных...»⁶⁶

Обсуждение пятого номера газеты в Якобинском клубе поставило под вопрос пребывание Демулена среди якобинцев. Бесконечная игра словами, обильное цитирование древних, вроде изречения Соломона, которое Камиль теперь часто использовал: «Мертвые счастливее живых, а всех счастливее тот, кто никогда не родился», бравада и какое-то мальчишество, просто обуявшее Демулена в эти тревожные дни, и, наконец, упорное нежелание расставить все точки над «і» и высказать четко и ясно свою позицию без этих двусмысленных экскурсов в историю — все это, повторяем, решительным образом настроило большинство членов Якобинского общества против Демулена. Единственно, кто пытался его спасти, был Робеспьер. Ж.Мишле писал, что «Робеспьер пошел на террор ради своей безопасности». Это в корне неверно. Он на это пошел не ради себя, но ради спасения республики и революции. В записях, обнаруженных уже после смерти Робеспьера, была одна заметка, заслуживающая внимания: «Надо просвещать народ, но какие трудности стоят на пути его обучения? Продажные писатели, которые сбивают его с толку ежедневной наглой клеветой... Какой из этого следует вывод? Необходимо изгнать таких писателей как наиболее опасных врагов отечества».

Отношение Робеспьера к Демулену не зависело от сиюминутного настроения и не носило отпечатка политической или партийной корысти. Робеспьер всегда приходил на помощь своему старому товарищу. Да и лучшие страницы Демулена, его звездные часы во французской революции принадлежат той поре, когда он занимал сходные с Робеспьером позиции. Всякое отклонение от этого курса приводило Камилля к ошибкам, за которые он до поры до времени сравнительно легко расплачивался. В эти последние месяцы, безусловно, на отношении Робеспьера к Демулену сказалось отношение Неподкупного к Дантону, с которым Демулен был тесно связан.

Удивительное дело. Все давали Демулену использовать свой, может быть, последний шанс. Но он с настойчивостью, достойной лучшего применения, шел навстречу опасности, словно продолжая какую-то им самим придуманную игру, полагая, что уж последний удар в любом случае нанесет он.

Чтение номеров «Старого кордельера» в Якобинском клубе показало, что там Демулен на поддержку кого-либо рассчитывать не может. Правда, Робеспьер, пытаясь помочь Камиллю, предложил сжечь последние номера газеты, но Демулен амбициозно ответил: «Сжечь — не значит ответить!» Эмоциональные, но лишённые логики ответы Камилля никого ни в чем не убедили. Невидимая рука уже ткала саван для Революции. «Alas, poor Desmoulins»⁶⁷. Итогом обсуждения стало исключение Демулена из Якобинского клуба. Напрасно он пытался оправдаться тем, что сам Робеспьер читал третий и четвертый номера его газеты. Знакомился ли Робеспьер со всеми номерами? Ответить трудно. Люсиль Демулен в письмах к Фрерону утверждает, что Робеспьер знал их содержание. Но ведь она же свидетельствует и о том, что Робеспьер уже тогда советовал Демулену уничтожить эти номера.

В трагической судьбе Демулена прежде всего повинен он сам. И напрасно пытаются найти виновников. Менее всего виновен Робеспьер, которого при этом изображают в черном цвете. Вспомним, что писал о Демулене Ж.П.Марат, давший ему самую точную и меткую оценку: «Несмотря на весь ваш ум, мой дорогой Камиль, вы еще слишком наивны в политике. Может быть, милая веселость, составляющая главную суть вашего характера и брызжущая из-под вашего пера даже в самых серьезных случаях, не допускает глубокого и основательного размышления... Я говорю об этом с сожалением. Посвятив свое перо отечеству, насколько бы лучше вы ему служили, если бы походка у вас была твердой и вы не колебались бы в своих суждениях. Сегодня вы порицаете то, что завтра станете одобрять. Вы превозносите никому не известных людей за самое незначительное дело. По-видимому, у вас нет ни плана, ни цели... Не в упрек будет сказано вашему веселому нраву, но, Камиль, вы не всегда умеете сердиться, сохраняя изящество и достоинство»⁶⁸. Сама логика развития революции толкала Эбера и Демулена, каждого по-своему, к краю пропасти. Вскоре после казни Эбера и его сторонников наступила развязка и для Демулена, который решил до конца связать свою судьбу с судьбой Дантона. Судебное расследование дела Дантона и его друзей было ускорено так называемый заговором с целью освобождения Демулена и Дантона. Заговор, в котором был замешан Люсиль Демулен, стоил ей жизни.

После смерти Камилля и Люсиль Демулен остался их сын Гораций с бабушкой. В 1793 г. ему даже установили пенсию в две тысячи! франков. Сумма эта была позже подтверждена Наполеоном, но Гораций эту пенсию так никогда и не получил. В 1817 г. он отправился на Гаити, где и женился. В 1825 г. Гораций умер, оставив после себя двух дочерей. Судьба сына Демулена плохо прослежена. Это и не удивительно. В то бурное время даже судьбы венценосных особ порой терялись во мраке неизвестности. Так, сын Людовика XVI дофин Луи Шарль после крушения монархии был заключен вместе с родителями в Тампль. После казни бывшего короля дофин был отделен от матери и отдан на воспитание якобинцу-башмачнику Симону. Но вскоре был возвращен в Тампль, где и умер тихо и незаметно.

Через некоторое время после казни Дантона, Демулена и других та же участь постигла остальных представителей революционного крыла Конвента. Вместе с падением ножа гильотины завершилась и последняя глава французской революции периода демократического развития.

Примечания

1. Лакруа (Делакруа) Жан Франсуа (1753–1794), юрист, член Законодательного собрания и Конвента, член первого Комитета общественного спасения, казнен по процессу дантонистов. Филиппо Пьер (1754–1794), юрист, член Конвента, осужден по процессу дантонистов.
2. Фукье-Тенвилль Антуан Кентен (1746–1795) — до революции юрист, член совета Коммуны 10 августа, общественный обвинитель в Революционном трибунале, выступал на процессе эбертистов и дантонистов. Был арестован после 9 термидора, предан суду и казнен в мае 1795 г.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8. С. 120.
4. Бомарше. Драматическая трилогия. М., 1982. С. 51.
5. Desmoulins C. Fragment de l'histoire secrete de la Revolution ou l'histoire des brissotins. P., 1793.
6. Revolutions de France et de Brabant. P., 1789. N 29; Vieux Cordelier. P., 1794. N 5.
7. Desmoulins C. Oeuvres. T. 2. P., 1874. P. 313.

8. Ibid. P. 316.
9. *Desmoulins C. Oeuvres*. Т. 2. P. 318.
10. Ibid. P. 330.
11. *Роллан Р.* Собр. соч.: В 14 т. Т. 1. М., 1954. С. 40.
12. *Vieux Cordelier*. P., 1793. N 5.
13. *Desmoulins C. Oeuvres*. Т. 2. P. 333.
14. *Бабёф Г.* Соч.: В 4 т. Т. 1. М., 1975. С. 231–232.
15. *Desmoulins C. Oeuvres*. Т. 2. P. 339.
16. *Revolutions de Paris*. P., 1789. N 9.
17. *Le Discours de la Lanterne*. P., 1789.
18. Ibid.
19. *Desmoulins C. Oeuvres*. Т. 2. P. 344.
20. *Desmoulins C. Oeuvres*. Т. 2. P. 347.
21. *Desmoulins C. Oeuvres*. Т. 2. P. 341.
22. Ibid.
23. *Le Discours de la Lanterne*. P., 1789.
24. *Revolutions de France et de Brabant*. P., 1791. N 71
25. *Janssens J.* Op. cit. P. 188.
26. Территорию современной Бельгии можно считать сложившейся к началу XVIII в. В итоге изнурительной 30-летней войны за «испанское наследство» Бельгия в 1715 г. переходит к Австрии. Начало революции во Франции вызвало в Бельгии широкое движение в поддержку французов. Началась агитация за союз с Францией, которая коснулась и армии. В результате восстания против австрийского гнета в декабре 1789 г. Бельгия стала свободной.
27. *Desmoulins C. Oeuvres*. Т. 2. P. 203.
28. *Revolutions de France et de Brabant*. P., 1789. N 1
29. *Revolutions de France et de Brabant*. P., 1789. N 1
30. Фавр Маги де (1744–1790) — придворный брата короля, маркиз, участник заговора, ставившего целью похищение короля. В феврале 1790 г. Был казнен.
31. *Revolutions de France et de Brabant*. P., 1790. N 15.
32. *Petit Dictionnaire des grands Hommes et des grandes choses qui ont rapport a la Revolution*. P., 1791.
33. *Revolutions de France et de Brabant*. P., 1790. N 17.
34. *Buchez et Roux.* Histoire parlementaire de la Revolution francaise. Т. 6. P., 1834. P. 447.
35. *Лабрюйер Ж. де.* Характеры. Биб-ка всемирной литературы. Серия первая. Т. 42. М., 1974. С 344.
36. *Robespierre M. Oeuvres completes*. Т. 6. P., 1939. P. 498.
37. Поэзия Франции. Век XIX. М., 1985- С. 33.
38. *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 8. М., 1956. С 59.
39. *Revolutions de France et de Brabant*. P., 1790. N 7.
40. *Revolutions de France et de Brabant*. P., 1791. N 82.
41. *Revolutions de France et de Brabant*. P., 1791. N 84.
42. Французская буржуазная революция. 1789–1794. М.; Л., 1941. С. 109.
43. *Ленин В. И.* Поли. собр. соч. Т. 15. С. 277.
44. *Бабёф Г.* Соч.: В 4 т. Т. 2. М., 1976. С. 334.
45. *Desmoulins C. Oeuvres*. Т. 1. P. 259.
46. *Desmoulins C. Fragment de l'histoire secrete...* P., 1793. Oeuvres. Т. 1. P. 259.
47. *Бабёф Г.* Указ. соч. Т. 3. С. 239.
48. *Бабёф Г.* Указ. соч. Т- 2. С. 296, 309.
49. *Бабёф Г.* Указ. соч. Т. 4. С 192.
50. *Бабёф Г.* Указ. соч. Т. 3. С. 240.
51. *Dauban Ch.* M-me Roland et son temps. P., 1869. P. 315.
52. Перед угрозой интервенции, опасаясь «пятой колонны» в тылу, 2–5 сентября 1792 г. народ завладел тюрьмами, где находились контрреволюционеры. По приговорам судов, а то и без них было казнено около тысячи заключенных, главным образом неприсягнувших священников, аристократов, королевских гвардейцев, фальшивомонетчиков, швейцарцев, убивавших 10 августа восставший народ.

53. *Revolutions de France et de Brabant*. P., 1792. N 69.
54. Манфред А. З. Великая французская революция. М., 1983. С. 134.
55. Манфред А. З. Указ. соч. С. 45.
56. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 195.
57. *Lefebvre G. Etudes sur la Revolution francaise*. P., 1963. P.
58. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 40. С. 328.
59. Манфред А. З. Великая французская революция... С. 144.
60. *Vieux Cordelier*. P., 1793. N 3.
61. Жорес Ж. Социалистическая история французской революции. Т. VI. М., 1983. С. 333.
62. *Vieux Cordelier*. P., 1793. N 4.
63. Роллан Р. Собр. соч. Т. 1. М., 1954. С. 138, 141.
64. *Vieux Cordelier*. P., 1793, N 5.
65. *Vieux Cordelier*. P., 1793. N 5.
66. *Moniteur*. P., 1793. 28 decembre.
67. Реминисценция из «Гамлета»: «Увы, бедный Йорик» — акт V. (Шекспир У. Собр. соч. Т. 6. М., 1960. С. 135).
68. *Marat J. P. La correspondance*. P., 1908. P. 162–163.